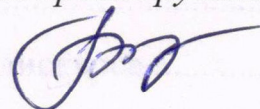

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный технический университет»

На правах рукописи

Авдеенко Евгения Викторовна

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Специальность 09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Радугин А.А.

Воронеж - 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Образ жизни как социально-философская категория.....	11
1.1. Концептуализация образа жизни в социогуманитарном дискурсе	11
1.2. Философско-антропологический подход к образу жизни человека	26
1.3. Социокультурные стратегии реализации образа жизни.....	46
Выводы к главе 1	63
Глава 2. Технологические детерминанты образа жизни.....	67
в современном обществе	67
2.1. Трансформация уклада жизни в информационном обществе.....	67
2.2. Образ жизни в сетевом обществе	81
2.3. Образ жизни в виртуальном пространстве.....	93
Выводы к главе 2.....	109
Заключение	113
Список использованной литературы.....	122

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В каждом типе общества формируется своеобразный жизненный мир, в котором осуществляется деятельность и взаимоотношения между людьми на основе специфических для данного мира инструментов. В качестве одного из наиболее важных и распространенных инструментов выступает образ жизни людей. Он организует акты их деятельности, поведения и взаимоотношений. Следует отметить, что образ жизни индивидов и социальных групп в разных аспектах был предметом интереса многих социальных наук, направленных на изучение общественной и культурной жизни людей: истории, теории культуры, социологии, философии, экономики, этики и других. При этом в социальных науках до недавнего времени исследовательские усилия были направлены, главным образом, на выявление либо общих закономерностей социального процесса, либо функционирования социокультурной системы в целом. Перелом в исследовании общественной жизни с точки зрения микросоциальных процессов был совершен «социологией повседневности», у истоков которой стоял австрийский социолог и философ Альфред Шюц. В своих исследованиях Шюц стремился перекинуть концептуальный мост от абстрактных научных категорий к изучению так называемого «жизненного мира», который истолковывался как многообразие структур и практик обыденности.

Интерес к структурам и практикам обыденности потребовал введения в научный оборот и нового концептуального аппарата, призванного дать исследователям соответствующий когнитивный и методологический инструментарий. В этот понятийный инструментарий, в частности, вошли такие концепты, как «жизненный мир», «ментальность», «социальная реальность», «структуры повседневности», «структуры повседневного мышления». К числу такого рода терминологических концептов следует отнести и «образ жизни».

Концепт «образ жизни» призван понятийно отразить своеобразный жизненный мир, в котором на основе характерного для данного мира набора стереотипных мировоззренческих представлений, ценностей и ментальных установок реализуются соответствующие поведенческие практики, а также выстраиваются определенного типа взаимодействия и взаимоотношения между людьми. Актуальность исследования образа жизни как социального феномена не вызывает сомнений. Однако обращение к этой теме, наряду с возросшей социальной потребностью, имеет и «внутринаучные» импульсы. Дело в том, что в последние десятилетия в рамках различных областей социально-гуманитарного знания был накоплен большой объем эмпирических сведений и теоретических обобщений, касающихся существования людей в новых социальных условиях, связанных с технологической революцией, переходом общества в новую фазу цивилизационного развития, одной из важнейших характеристик которой является ее определение через концепт «информационное общество».

Однако весь уже имеющийся фактографический и концептуальный материал требует глубокой аналитической разработки и серьезного философского осмысления. Внести посильный вклад в решение этой насущной задачи мы и попытаемся в настоящей работе.

Степень разработки данной темы. Тема диссертационного исследования получила определенное освещение в социально-гуманитарных науках. В частности, проблема образа жизни изучается в контексте формирования здорового образа жизни. Соответствующим вопросам посвящены работы В. Бальсевича, В. Бароненко, А. Васильева, М. Виленского, В. Выдрина, В. Головина, В. Коваленко, Е. Дмитриева, В. Ильинича, А. Щедрина.

Большое значение для разработки заявленной темы имели исследования по проблеме антропологических и онтологических оснований образа жизни. Это направление нашло свое отражение в работах зарубежных философов Б. Спинозы, Л. Фейербаха, З. Фрейда, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера, М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, Б. Латура. В отечественной философии определенное внимание ему уделяли У.Б. Бойматов, Ф.И. Геренок, С.Н. Жаров, А.А. Радугин.

Существенную роль в исследовании образа жизни как социального феномена играют работы по освещению стратегии образа жизни. Эскапизм как жизненная установка, прежде всего, отражен в работах стоиков: Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета, а также экзистенциалистов: А. Камю, С. Кьеркегора, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса. Образ жизни личности существенно зависит от того ролевого набора, который она сформирует в процессе жизненных практик и который закрепится в ее наборе субличностей. Закономерности формирования субличностей исследовались в работах Р. Ассаджиоли, П. Феруччи, А. Подводного, Т.В. Коробкиной, И.С. Малкиной-Пых, С. Петухова, Дж. Реинуотер, М. Руффлер.

Стратегия успеха глубоко исследовалась в научной, в частности, психологической литературе. Достаточно много работ сосредоточено на тех или иных аспектах психологии успеха: в зарубежной психологии это Д. Аткинсон, Я. Алстед, Р.С. Вайсман, Д. Макклелланд, У. Макдауголл, Дж. Мэндлер, Г. Мюррей, Ф. Хоппе, Х. Хеккаузен, Р. Уайт; в отечественной психологии - Р.С. Немов, А.Б. Орлов, В.И. Степанский, М.Л. Кубышкина и другие. Отдельное направление социально-психологических исследований связано с изучением успеха как формы самоутверждения социального субъекта. Для этого направления характерны работы как отечественных авторов (например, Е.П. Никитиной, Н.Е. Харламенковой), так и многих зарубежных – П. Бергера, У. Бека, Т. Веблена, Э. Гидденса, Дж. Мида, Т. Лукмана, А. Шюца.

В философии проблема достижения успеха традиционно тесно связывалась с проблемой смысла жизни. Существенный вклад в разработку этого направления внесли Аристотель, У. Джемс, Ф. Бекон, Р. Декарт, Т. Гоббс, М. Монтень, Т. Мор, М. Мольц, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, Р. Хубер и др. Надо сказать, что в философской литературе понятие успеха трактовалось достаточно разнообразно, затрагивая, в первую очередь, смысложизненные проблемы. Собственно философии успеха посвящено не так много трудов, отметим лишь работы Д.И. Канарского, Е.В. Караханяна, О.И. Якутиной. Чаще анализируются понятия,

сопряженные с категорией успеха - активность, деятельность, личность, воля, целеполагание.

Значительный объем исследований посвящен выявлению особенностей различных типов общества. Здесь следует отметить труды Д. Белла. П. Бурдьё, Э. Гидденса, Э. Тоффлера. Особого внимания заслуживает литература по исследованию информационного общества. В этом плане следует выделить работы Д. Барни, П. Дракера, М. Кастельса, Ё. Масуда, М. Маклюэна, Д. Мартина, Г. Молитора, А. Кинга, Д. Несбита, А. Турена, Ф. Уэбстера. Среди отечественных мыслителей заслуживают внимания работы Т.Х. Керимова, А.Е. Смирнова, В.П. Козырькова, С.С. Православского, Н.С. Рыбакова, И.С. Мелюхина, Ю.М. Резника.

Переход общества к современному этапу его развития, называемому, как правило, постиндустриальным, и обусловленные этим переходом трансформации социальных отношений исследовались К. Апелем, Д. Беллом, К. Боулдингом, М. Маклюэном, Э. Тоффлером, М. Кастельсом, Н. Луманом, Ю. Хабермасом и др.

Одним из ключевых феноменов информационного общества является Интернет. Исследованию Интернета как цивилизационного феномена, истории его формирования и особенностей сегодняшнего функционирования посвятили свои работы Т.Ж. Бабьжирова, Е.П. Белинская, Н.П. Ващенко, А.Е. Войскунский, И.Д. Газиев, Г.В. Градосельская, Е.И. Горошко, В.А. Емелин, Е.И. Журавлева, В.В. Иванов, Д.В. Иванов, С.В. Михайлов, М.А. Мунтян, Ю.А. Савостицкий, А.Д. Урсул, Т.В. Филиппова, А.В. Чугунов, И.Е. Штейнберг.

На базе информационно-коммуникативных технологий в виртуальном пространстве сформировалось сетевое общество. Исследованию особенностей функционирования сетевого образа жизни посвящены работы Дж. Барнза, С. Брэтена, Яна Ван Дейка. Разработке морально-нравственных основ сетевого образа жизни особое внимание уделили Папа Римский Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер), Л.В. Баева, А.А. Скворцов, А. Экслер.

Проблема виртуализации реальности как формы замещения объективной реальности исследовалась Т. Беллсторфом, Е.П. Белинской, В.А. Емелиным,

А.Е. Жичкиной, Д.В. Ивановым, Д.Б. Литвинцевым, Н.А. Носовым, Е.А. Путиловой, В.Л. Силаевой и др. Философское осмысление феномена виртуальной реальности нашло отражение в работах А.А. Бодрова, Т.А. Бондаренко, Л.А. Микешинной, Н.А. Носова, М.Ю. Опенкова, С.И. Орехова, А.М. Орлова, В.Н. Поруса, В.М. Розина, С.С. Хоружего. В этих работах достаточно серьезному разбору подверглось понимание природы и специфики виртуальной реальности.

Особый интерес для разработки темы представляют работы, позволяющие выявить специфику образа жизни в виртуальном пространстве. Сюда относятся работы Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, С. Жижека, П. Клоссовски, Ж.Ю. Лиотара. Среди отечественных авторов к исследованию симулякра (реалистичного образа объекта, не имеющего реального существования) обращались О.В. Кулик, В.А. Емелин, Т.В. Елисеева, Е.В. Сухович, Т.А. Шалюгина. Критике концепции симулякра посвящены работы А.С. Панарина, А.А. Калмыкова, С.А. Корнева, В.А. Емелина.

Виртуальный образ жизни носит иллюзорный характер. Вопросы генезиса иллюзорного сознания нашли отражение в трудах классиков философии: Н.А. Бердяева, А. Камю, К. Маркса, Ж.-П. Сартра, А. Шопенгауэра, М. Хайдеггера; философов-постмодернистов - Р. Барта, Ж. Бодрийяра. В отечественной философии следует выделить работы Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, Л.В. Шукшиной.

Как можно видеть, различные аспекты тематики настоящего диссертационного исследования получили достаточно глубокую разработку в социально-гуманитарном знании, однако в качестве предмета специального социально-философского исследования тема диссертации еще не фигурировала.

Объект исследования: социальная организация жизни людей.

Предмет исследования: образ жизни как социальный феномен.

Цель исследования: социально-философская экспликация образа жизни как социального феномена и формы организации жизненных практик в информационном обществе.

В ходе достижения поставленной цели надо было решить следующие **задачи:**

- осуществить теоретико-методологическую экспликацию образа жизни;
- обосновать социально-философский статус категории «образ жизни»;
- раскрыть антропологические основания образа жизни;
- рассмотреть основные стратегии образа жизни в социокультурном пространстве;
- исследовать технико-социальные детерминанты образа жизни в современном обществе;
- представить уклад жизни как основание образа жизни в различных типах обществ;
- выявить характерные черты образа жизни в сетевом обществе и показать особенности образа жизни в нем.

Научная новизна исследования:

- обоснован социально-философский статус категории «образ жизни» и выработано его определение как социально-философской категории;
- раскрыты антропологические основания образа жизни, реализующиеся через иерархическую систему социальных сред и принимающие в них специфические социальные формы;
- рассмотрены две основные стратегии образа жизни в социокультурном пространстве;
- исследованы технико-социальные детерминанты образа жизни в современном обществе и уклад жизни представлен как основание образа жизни в различных типах обществ;
- выявлены характерные черты образа жизни в сетевом обществе и показаны особенности образа жизни в нем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Методологически образ жизни - это интегральная, высокого уровня обобщения социально-философская категория, которая позволяет через

целостную систему антропологических характеристик и социальных практик исследовать человека как субъекта деятельности и отношений.

2. Содержательно образ жизни - это система непрерывно повторяющихся жизненных практик, осуществляющихся в контексте антропологических, биографических, социокультурных и технико-социальных сред.

3. Антропологические детерминанты образа жизни человека реализуются через иерархическую систему социальных сред и принимают в них специфические социальные формы.

4. Социальная ситуация в постсоветской России стимулирует выработку двух противоположных целесообразных, целедостижительных стратегий образа жизни. Первая стратегия носит социально активный характер и ориентирована на самоутверждение личности через достижение успеха. Вторая - носит эскапический характер и ориентирована на самоутверждение личности через достижение гармонии личности с самой собой и с Природой.

5. В становящемся информационном обществе формируется новый, по сравнению с индустриальным обществом, уклад жизни, который реализуется через систему специфических жизненных практик: сетевой образ жизни, образ жизни в виртуальном пространстве и так далее. В укладе жизни на основе ценностно-нормативной системы и технологических факторов формируются устойчивые конструкты, детерминирующие значимые ценностные ориентации и установки, смыслы деятельности и поведения.

6. Образ жизни в сетевом обществе - это система наиболее типичных, повторяющихся жизненных практик в виртуальном пространстве, осуществляющихся в форме коммуникаций на основе сообщений и носящих симулятивный и иллюзорный характер.

Методологические основания исследования

Анализ образа жизни как социального явления должен основываться на цивилизационной методологии, которая позволяет познать образ жизни как социокультурное явление и осмыслить антропологические, социальные и технологические детерминанты образа жизни. В философском исследовании этот

подход опирается на методологические установки Э. Гуссерля и А. Шюца, которые ставили задачу изучения «жизненного мира», а также на экзистенциалистскую методологию Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и других. Данная методология позволяет исследователям использовать соответствующий когнитивный и методологический инструментарий, в который вошли такие концепты, как «жизненный мир», «существование», «выбор», «образ жизни».

В рамках цивилизационной и феноменологической методологии использовался диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному, применение которого позволяет осуществить анализ образа жизни с позиций функционирования и взаимодействия детерминант разноуровневых сред.

Теоретическая и практическая значимость работы. Настоящее исследование реализует новый подход в аналитической разработке образа жизни как социального феномена, предполагая учет антропологических, социокультурных и технологических факторов его детерминации, что открывает новые перспективы как в теоретической разработке проблемы образа жизни, так и в плане разработки и применения соответствующих социальных практик.

Научно-практическая значимость данного диссертационного исследования. Материалы диссертационной работы могут быть использованы в ходе реализации широкого спектра научно-исследовательских программ, посвященных выявлению характеристик образа жизни различных социальных групп, при разработке спецкурсов, лекций и семинаров по философской антропологии, социальной философии, философии культуры, педагогике, при подготовке учебных пособий по соответствующим дисциплинам.

Глава 1. Образ жизни как социально-философская категория

1.1. Концептуализация образа жизни в социогуманитарном дискурсе

Исторически в каждом обществе формируется специфическое социокультурное пространство, в котором реализуются многообразные типы действий, взаимодействий и взаимоотношений между людьми. Интегративный комплекс всех этих процессов можно охарактеризовать как соответствующий образ жизни. Концептуализация образа жизни как социального феномена еще не получила исчерпывающей разработки в философской и социологической литературе.

Целью настоящего параграфа является попытка внести посильный вклад в решение этой серьезной исследовательско-методологической задачи.

Концептуализация образа жизни как социального феномена может быть проводима с учетом его детерминации со стороны разноуровневых сред. Термин «среда» мы понимаем как специфическое жизненное пространство человека, которое ответственно за формирование определенного субъекта жизнедеятельности, характеризующегося специфическими формами поведенческих актов.

Такого рода среда содержит в себе соответствующий – обращенный к включенному в нее человеческому субъекту – набор норм, ценностей, идеалов, культурно-смысловых императивов. Механизм влияния среды на включенного в нее человеческого субъекта работает по законам матрицы. Этимологически слово «матрица» производно от латинского «matrise» (матка, мать), так что матрицу можно трактовать как структуру, нормативным образом обеспечивающую воспроизводство соответствующих элементов.

На человека как биосоциальное существо оказывает детерминирующее воздействие антропологическая и социокультурная матрицы. Матрица выступает в качестве программы многовариантного смыслового и поведенческого

алгоритма, под воздействием которого вырабатываются смысловые установки, привычки, устойчивые поведенческие практики, специфические ценностные стереотипы, регулирующие отношение человека к явлениям его внутреннего и внешнего мира. Так, через воздействие соответствующих матриц формируется определенный образ жизни.

Способ организации жизни людей во многом обусловлен универсальными антропологическими характеристиками человека. Наиболее фундаментальные антропологические характеристики задаются биологией человека как представителя отряда приматов класса млекопитающих. Следующий уровень антропологических характеристик связан с принадлежностью человека к роду *Homo Sapiens*, для которого характерен переход от чисто биологической поведенческой детерминации к социокультурной, рече-словесной.¹

В рамках этих универсальных антропологических характеристик происходит дифференциация по половому признаку, на основе которой образуются мужская и женская среды (в социокультурном пространстве бытия *Homo Sapiens* мужская и женская среды приобретают характер соответствующего гендера), а также дифференциация по возрастному признаку, приводящая к формированию возрастных сред: детство, отрочество, юность, зрелость, ранняя старость, старость, долгожители.

К антропологическим следует отнести и базовые психические характеристики человека, составляющие его психическую среду. В психической среде выделяют индивидуально-психологические особенности личности (темперамент, характер, способности), организацию эмоционально-волевой сферы, когнитивные способности.

Существенную роль в психической сфере жизнедеятельности человека играют эмоции. Многие психологи считают, что эмоции составляют основу жизнедеятельности человека. Мы совершаем действия или отказываемся от каких-либо действий, предвидя, какие эмоции это нам принесет. Большая часть

---

¹ Поршневу, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршневу. – СПб.: Алетейа, 2007. – С. 103.

представителей генеральной совокупности «человечество» живет эмоциями в прямом и переносном смысле. Эмоции связаны с гормональными - химическими процессами в организме, которые дают ощущение наполненности жизни. Причем отрицательные или положительные эти эмоции в глобальном смысле не столь важно, значение имеет в первую очередь их интенсивность. Например, «эйфория - это один из «побочных эффектов» борьбы со стрессом. После успешно преодоленных нагрузок, после выхода из трудной ситуации организм получает «пряник», вознаграждение в виде положительных эмоций. Но стресс - это только один из множества случаев выработки эндорфинов. Опытным путем установлено, что выброс эндорфинов у человека напрямую связан с ощущением счастья, сиюминутного блаженства. Еще один способ выработки эндорфинов - занятия спортом. Причина популярности спорта не только в культе силы, но и в выбросе эндорфинов, который происходит, когда стрессовая нагрузка прекращается»². Если принять за основу то, что желание жить является базовым и неотъемлемым для живых существ, то необходимо определить, что для человека является подтверждением успешной реализации этой потребности. Жизнь нам дана в первую очередь в ощущениях, которые окрашиваются эмоциями. При желании оценить наполненность жизни, удовлетворенность ею необходимо учитывать тот факт, что одни и те же события и явления вызывают у разных людей совершенно разные эмоции. Так, например, появление в доме щенка может вызвать у ребенка радость, у мамы тревогу, а у отца семейства не вызвать эмоций вообще. Ошибочно предполагать, что человек всегда стремится к получению положительных эмоций. Скорее, он стремится к получению эмоций в принципе. Как мы уже отметили, гораздо большее значение имеет не качество, а интенсивность эмоций. Зачастую именно негативные эмоции вызывают больший гуморальный всплеск, чем позитивные. Этим, в частности, объясняется популярность драматических и трагических сюжетов в литературе и кинематографе. Можно сказать, что они оставляют в организме более

---

² URL: <http://realfaq.ru/discussion/13918/himiya-emociy-i-chuvstv> (дата обращения 10.10.2017).

выразительный химический след, формируя, таким образом, ощущение насыщенности, яркости собственной жизни.

Эмоциональные процессы энергозатратны, то есть они участвуют в энергообмене и в метаболизме наряду с физическим трудом или спортом. Вследствие научно-технического прогресса быт и работа человека становятся все менее энергозатратными. То есть освобождается большое количество не только времени, но и энергии. В связи с этим обостряется потребность в эмоционально насыщенном досуге. При условии высвобождения лишь времени оно бы расходовалось на отдых и восстановление сил. Когда же никто не устал, еда высоко калорийная, а экономить энергию незачем - формируется социальный запрос на эмоциональный контент.

На своих высших уровнях психическая регуляция человека все более наполняется социокультурным содержанием: конституируется ценностно-смысловая сфера, вырабатывается соответствующая мотивация и направленность личности, формируется Я-концепция, возникает самооценка личности, определяются статусно-ролевые установки.

Рождаясь в социуме и включаясь в его функционирование, человек испытывает и соответствующую социокультурную детерминацию, составляющую его социокультурную среду. Самое главное - он попадает под воздействие специфической ценностно-смысловой сферы того общества, той культуры, в которой ему довелось увидеть жизнь.

Воздействие на поведение человека со стороны ценностно-смысловой сферы определенного общества знаменует собой переход от антропологической к социокультурной форме детерминации его образа жизни. Но при этом влияние антропологической детерминации отнюдь не уничтожается, оно дополняется, корректируется, сублимируется со стороны социокультурной детерминации, которая для развитой личности все-таки оказывается доминирующей.

В истории западноевропейской цивилизации фундаментальные характеристики социокультурной детерминации человека коррелируют с крупнейшими культурно-историческими эпохами развития нашего социума. К

такого рода эпохам в социогуманитарной литературе рядом авторов принято относить Премодерн, Модерн и Постмодерн. Специфика каждого из этих исторических периодов проанализирована в совместной статье Ж. Деррида и Ю. Хабермаса «Наше обновление после войны: второе рождение Европы»³, и мы не будем специально останавливаться на этой тематике. Отметим лишь, что на современном этапе цивилизационного развития мы переходим к эпохе Постмодерна. Формируется принципиально новое общество со своей специфической технико-промышленной, культурной и ценностно-смысловой сферами; формируется принципиально новая социокультурная система, о сущностном содержании которой в современной литературе идет оживленная дискуссия.

Французский социолог А. Турен пишет о возникновении «программируемого» общества, суть которого определяется уже не экономическими факторами, а культурными и социальными.⁴

Первым проанализировал основы формирования информационного общества японский социолог и футуролог Ё. Масуда. По мнению Масуды, содержательной основой современного процесса трансформации общественной жизни является информатизация всех ее сторон. И этот процесс расценивается им как процесс формирования качественно новой ступени общественного развития – информационного общества. С точки зрения японского социолога, информационное общество следует рассматривать как высшую ступень развития постиндустриального общества, основу которой составляет особая субстанция – информация. Позицию Масуды поддерживает американский футуролог Э. Тоффлер, который назвал формирующееся общество «сверхиндустриальным» или «обществом третьей волны». Основным объектом деятельности человека, главной ценностью данного общества он называет нематериальный феномен –

---

³ URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_23.html (дата обращения 01.10.2017).

⁴ Touraine, A. The post-industrial society: Tomorrow's social history, class, conflict and culture in the programmed society / A. Touraine. - New York: Random House, 1971. - P.14.

информацию, продуцирование, оперирование и потребление которой достигает сегодня невиданных в истории человечества размеров.⁵

Информация в современном обществе представлена в различных ипостасях. Она выступает и как содержательная сторона достигших невероятного расцвета коммуникативных технологий, и как неисчерпаемый вид сырья, и как среда взаимодействий и взаимоотношений людей. В постиндустриальном обществе осуществляется производство разнообразной информации. На этой основе в современном обществе сформировалась глобальная информационная инфраструктура, обеспечивающая становление нового типа социальности. На основе информатизации постепенно происходит создание единого – компьютеризированного – мирового пространства, единого сообщества людей, вовлеченных в киберпространство и пользующихся соответствующими коммуникационными технологиями. Эти изменения, оказывая комплексное воздействие на все общество в целом, приводят к значительным преобразованиям образа жизни людей.

В указанных работах показана зависимость социальных взаимодействий от процесса компьютеризации. Компьютеризованный мир организуется по сетевому принципу, который, по мнению авторов, придает этому миру виртуализированные координаты измерения. Сеть становится основой организационной парадигмы. По сетевому принципу начинают структурироваться взаимоотношения разных типов: производственные, досуговые, исследовательские и другие.

С точки зрения Ф. Фукуямы, главными движущими силами трансформаций в современном социальном пространстве является визуализация и децентрализация, которая обеспечила расцвет сетевых организаций – гибких, эластичных, самоорганизующихся и самовосстанавливающихся структур, наиболее соответствующих условиям функционирования современного информационного общества.⁶

---

⁵ URL: http://www.umk.virmk.ru/study/VMK/LITERA/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения 11.11.2017).

⁶ Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — С.159.

М. Маклюэн полагает, что стремительный рост числа каналов и сетей коммуникации приводит к исчезновению изоляции.⁷ А Дж. Нейсбит отмечает, что сетевые структуры, заменившие иерархические структуры, поддерживают существование горизонтальных связей и обеспечивают трехмерность социального пространства.⁸ Все эти факторы оказывают непосредственное влияние на образ жизни человека в современном информационном обществе.

Для раскрытия содержания понятия «образ жизни» существенное значение имеет трактовка категории «социальное пространство». Категория «социальное пространство» относительно недавно вошла в философский и научный оборот. Социальное пространство не имеет физического характера, не зависит от природных факторов, его содержание связано со смыслами и социальными формами деятельности и взаимоотношений людей. В современной философии социальное пространство трактуется двояко: с одной стороны, в статике - как своего рода субстанция социального характера, с другой стороны, в динамике - как постоянно изменяющееся, развивающееся социальное поле или сеть социальных отношений.

Под социальной субстанцией подразумеваются различного уровня и различной структурной организации социальные системы, которые вовлекаются в процессы социальных изменений, при этом изменяя свои историко-культурные параметры.

Социальное поле выступает как исторически и социокультурно обусловленная система межличностных отношений, задающая определенный стиль поведения и мышления в обществе.

С категорией «социальное поле» тесно связана категория «жизненный мир», которая разрабатывалась преимущественно представителями феноменологии и экзистенциализма. С точки зрения Э. Гуссерля и А. Шюца, категория «жизненный мир» может быть истолкована как социальное пространство, в рамках которого происходит реализация конкретного образа жизни. По мнению

---

⁷ Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человек / М. Маклюэн пер. с англ. В. Николаева. — М.: Жуковский: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 2003. — С. 12.

⁸ Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. - М.: Издательство «Ермак», 2003. – С. 280 – 281.

С.С. Православского, «важность концепции жизненного мира заключается в том, что с помощью обращения аналитического внимания на данную, ранее неисследованную область социальной реальности можно выявить скрытые смысловые основы как индивидуального, так и социального опыта».⁹ Первый импульс к новому истолкованию образа жизни как феномена жизненного мира был дан Э. Гуссерлем в его трактовке интенциональности как основы жизненного мира. Интенциональность рассматривается Гуссерлем в качестве силы, которая координирует и синтезирует самые многообразные акты сознания, лежащие в основе конституирования предметов.¹⁰

Феноменологический подход выделяет два типа интенциональных переживаний:

- 1) ценностно нейтральные убеждения и теоретические конструкты, обслуживающие целерациональную (в терминологии М. Вебера) деятельность;
- 2) переживания, имеющие ценностный характер, которые непосредственно влияют на поведение личности; их определяют как волюнтативные или личностные переживания, они характерны для ценностно-рационального типа деятельности (в терминологии М. Вебера)¹¹.

Представители феноменологии делают акцент на наличном бытии человека. Бытие человека осуществляется в определенных рамках. Ощущая эти рамки, человек выбирает содержание и наполнение собственного бытия исходя из доступных ему вариантов и доминирующих ценностей. С этих позиций жизненный мир определяется как мир наличного – «здесь и сейчас» – бытия человека, мир, в который «погружен» человек, мир обыденных, повседневных практик человека, которые находятся вне сферы его рефлексии и, соответственно, вне сферы сознательно-волевой коррекции.

---

⁹ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Православский Стефан Сергеевич. - Воронеж, 2015. – С. 61.

¹⁰ URL: <https://www.libfox.ru/379444-edmund-gusserl-kartezianski-razmyshleniya.html#book> (дата обращения 15.10.2017).

¹¹ Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер пер. с нем., сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. - С.20.

В феноменологии жизненный мир выступает как фундаментальный слой сознательной деятельности. Как пишет А. Шюц, «феноменологический анализ показывает, что существует допредикативный слой опыта, в пределах которого интенциональные объекты и их свойства вовсе не являются четко очерченными; что мы располагаем не изначальным опытом изолированных объектов и их свойств, но скорее полем нашего опыта, в пределах которого отдельные элементы отбираются как выделяющиеся на фоне их пространственного и временного окружения. Посредством постоянно возобновляющихся взаимосвязей нашего потока сознания все эти элементы сохраняют свою ауру, okayмление, горизонты. Анализ механизма предикативного суждения гарантирован лишь обращением к мыслительным процессам, в которых и посредством которых конституирован допредикативный опыт»¹².

С позиций феноменологии жизненный мир можно трактовать как сумму непосредственных очевидностей, которые ориентируют человека в этом мире. Эти очевидности являются первичным, дорефлексивным слоем психики человека, они обладают характером неосознаваемых регуляторов смыслополагания и выступают в качестве условия возможности принятия индивидом каких-либо поведенческих установок. Жизненный мир – это сфера того, что воспринимается человеком как очевидное, само собой разумеющееся. Человек не прилагает специальных усилий для освоения жизненного мира, он воспринимает свой жизненный мир как данность. Встроенные в личностный жизненный мир ценности и смыслы принимаются и разделяются человеком некритично и бездоказательно. Соответственно жизненный мир выступает как исток и практического, и рефлексивного типов мышления человека. По мнению А. Шюца, в социальной реальности жизненный мир осваивается человеком в терминах типического. Здесь господствуют рутины на уровне действий и стереотипы на уровне ментальных конструктов.

Изучение жизненного мира человека, считает Шюц, должно учитывать два принципиальных допущения о восприятии человеком окружающего мира. Первое

---

¹² Schutz, A. Collected Papers. Vol. 1 / A. Schutz. - Martinus Nijhoff, The Hague, 1962. - P. 99–117.

допущение определяется Шюцем как правило «взаимодополнительности перспектив». Данное правило исходит из представления, что различные индивиды, вовлеченные в текущие социальные процессы, в принципе, одинаково понимают их смыслы и значения. Индивидуальные переживания мира не зависят от места индивида в социальном пространстве. Именно поэтому люди умеют видеть мир «глазами другого», умеют понять другого.

Второе допущение – «конгруэнтности релевантностей» – утверждает, что одинаковость, или аналогичность, межличностного восприятия мира распространяется и на область его интерпретации со стороны различных индивидов. Благодаря такого рода обстоятельствам жизненный мир, по мнению Шюца, это то, «что делает возможным коммуникацию и дает возможность индивидам понимать друг друга».¹³

Представляется интересной и продуктивной трактовка С.Н. Жарова преодоления М. Хайдеггером узости феноменологического подхода Э. Гуссерля к интерпретации жизненного мира и перевод его из гносеологической сферы в сферу онтологии. С точки зрения М. Хайдеггера, жизненный мир у Э. Гуссерля находится «в камере сознания», в то время как он - не что иное, как сама реальность: по выражению Хайдеггера, мир «веществится в вещах».¹⁴ Как отмечает С.Н. Жаров, «жизненный мир отвечает не за всю систему теоретических форм, а за онтологию, и даже не за всю онтологию, а только за базисные онтологические структуры»¹⁵.

Понятие «жизненный мир» тесно связано с понятием «повседневность». Как и понятие «жизненный мир», понятие «повседневность» чрезвычайно широкое, что создает определенные трудности с его концептуальным определением. Можно согласиться с бытующим утверждением, что повседневные феномены –

¹³ Schutz, A. Collected Papers. Vol. 1. - P. 99 – 117.

¹⁴ Жаров, С.Н. Жизненный мир как исток всех теоретически возможных миров (трансценденция непредметного бытия в структуре научного мышления) / С.Н. Жаров под ред. Е.А. Мамчур // Теоретическая виртуалистика. Новые проблемы, подходы и решения. – М.: «Наука», 2008. – С. 66.

¹⁵ Жаров, С.Н. Жизненный мир как исток всех теоретически возможных миров (трансценденция непредметного бытия в структуре научного мышления). – С. 69.

езде и во всем. Но это слишком абстрактный подход к данному понятию. Чтобы конкретней описать повседневность, необходимо провести различие между широким и узким истолкованием этого понятия. В широкой трактовке онтологический статус повседневности можно представить следующим образом: повседневность – это область наличного, «здесь и сейчас», бытия человека, в которой господствуют рутины и стереотипы, которая имеет сущностно консервативный характер, обеспечивающий цикличное воспроизведение всех жизненных практик человека, которая есть для человека область его непосредственности и очевидности.

Однако для нашего исследования наибольший интерес представляет повседневность в ее узкой трактовке, согласно которой повседневность – это сфера микросоциальных отношений, сфера обыденных практик, которые представляют собой естественное, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Именно через вовлечение в такого рода практики формируются механизмы человеческого взаимодействия и взаимопонимания. На этой основе и обеспечивается процесс устойчивого воспроизводства социальных отношений, равно как и соответствующих ментальных установок. Повседневность – это непосредственное, обычное, привычное и близкое каждому индивиду, это тот жизненный порядок, в котором, независимо от своего социального статуса, каждый индивид свободно ориентируется.

Практики повседневности для человека, как правило, находятся вне зоны его рефлексии, они плохо контролируются на сознательно-волевом уровне. В сфере повседневности, на основе повседневных практик происходит инкорпорация индивидом социального. Как отмечала исследователь повседневности Н.Н. Козлова, «каждый человек в теле своем и языке несет свою личную историю вместе с историей общества»¹⁶.

Проблеме повседневности значительное внимание уделяли представители феноменологической социологии. В интерпретации основоположника этого

---

¹⁶ Козлова, Н.Н. Советские люди. Сцены из истории / Н.Н. Козлова. - М.: Издательство «Европа», 2005. - С. 11.

направления А. Шюца повседневность (нем. Alltaglichkeit) – это интерсубъективная реальность, значимая для людей своим качеством цельного мира и субъективно интерпретируемая ими.¹⁷ Разработка проблематики повседневности в феноменологии идет преимущественно в русле интеракционизма с выдвиганием на первый план интерсубъектного, социально-конструирующего смысла повседневности.

В философии экзистенциализма (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель и др.) повседневность соотносима с понятием «существование». В кредо экзистенциализма - «существование предшествует сущности»¹⁸ - не только провозглашается приоритет существования перед сущностью, но и ставится перед личностью, вовлеченной в сферу повседневности, задача поиска подлинности своего бытия.

В своей трактовке экзистенции представители экзистенциализма опирались на феноменологию Э. Гуссерля. С их точки зрения, экзистенцию следует понимать как «феномен» в гуссерлевском смысле, то есть как такую реальность, которая сама себя показывает. Как известно, в трактовке Э. Гуссерля, мир интенций сознания – это мир переживаний. Точно так же, с позиций экзистенциализма, экзистенция выступает как «интенциональное бытие», то есть «реальность в виду бытия», находящаяся в отношении к нему. Как феномен бытия экзистенция переживается и на этой основе понимается, осознается. Бытие в мире, с точки зрения экзистенциалистов, характеризуется заботой. Каждый момент заботы – это определенный модус времени: бытие в мире – модус прошлого (у Хайдеггера он выступает как фактичность, или заброшенность), забегание вперед – модус будущего (у Хайдеггера - постоянно на нас воздействующий проект), а бытие при внутримировом сущем – модус настоящего (у Хайдеггера - обреченность вещам, сущему)¹⁹. Таким образом, забота изнутри

¹⁷ Schutz, A. Collected Papers. Vol. 1. - P. 99–117.

¹⁸ Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. - С. 320.

¹⁹ Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер пер. с нем. В.В. Бибихина. - Харьков: «Фолио», 2003. – С. 20 – 23.

полностью определяется временными структурами, которые существенно отличаются от трех измерений объективного времени.

В герменевтике повседневность рассматривается под углом зрения коммуникации и понимания. С точки зрения герменевтики, повседневность – это арена постоянно воспроизводящихся коммуникативных взаимодействий, благодаря чему осуществляется как личностное самопонимание, так и взаимопонимание. Личность познает себя через речь Другого, и Другого – через свою речь, обращенную к нему.

В философии постмодернизма делается акцент на деконструирующей (по отношению к самости личности) роли повседневности. Вовлеченность человека в повседневность ставит под вопрос целостность его идентичности, последняя становится обреченно фрагментарной. В рамках повседневности личность не направлена на акт самоопределения. В своей концепции повседневности постмодернисты принижают роль субъективного фактора в процессе самоидентификации. С точки зрения философии постмодернизма, самоидентификация индивида осуществляется как не зависящий от него самого, по существу, фатальный процесс, который к тому же имеет случайно-вариативный характер, что осложняет или делает неисполнимым самоопределение. Если использовать терминологию экзистенциализма, можно сказать, что существование не переходит в сущность.

Сфера повседневности имеет временное и пространственное измерения. Временное измерение повседневности соотносится с тремя основными сферами человеческого бытия в социуме: бытом, трудом, досугом. В пространственном измерении повседневность функционирует как пространство социально-ролевого и экзистенциально-личностного типов позиционирования индивида, влияющих на формирование его идентичности.

Понятия «жизненный мир» и «повседневность», раскрывая определенные стороны жизненных практик человека, в значительной степени носят абстрактный характер. Более конкретно многообразие долговременных и устойчивых жизненных практик раскрывает категория «образ жизни».

Следует отметить, что образ жизни человека – не статическая, а динамическая, процессуальная реальность. Как справедливо подчеркивает Э.А. Орлова, «для того, чтобы представить последовательность структурных и содержательных состояний образа жизни индивида во времени, нужна специальная аналитическая модель, с помощью которой можно было бы проследить связь между условиями, в которых реализуется его образ жизни, с одной стороны, и способом его организации – с другой; характером образа жизни и условий его реализации, с одной стороны, и оценкой их индивидом – с другой».²⁰

Соответствующая модель позволяет произвести корректный анализ того, как влияет на образ жизни людей их вовлеченность в соответствующие конкретные физическое и социокультурное пространства, в рамках которых и протекает повседневная жизнь индивидов. Такая конкретизация условий социокультурного и личностно-экзистенциального бытия индивида передается через понятие его «жизненной ситуации».

Концепты «жизненный мир», «повседневность», «жизненная ситуация» касаются структурных характеристик образа жизни, а концепт «жизненные практики» отражает активное деятельностное начало. В социогуманитарном дискурсе понятие «жизненные практики» раскрывается на основе понятий «активность», «деятельность», «поведение». При этом активность трактуется как неотъемлемое качество «поступающего» и «деятельного» субъекта. Иными словами, активность человека, как правило, связывается с его направленностью на преобразование, изменение и конструирование окружающего мира. А понятие «поведение индивида» предполагает его отношение к другому индивиду, к обществу и поэтому приобретает акцент общественной значимости. Иначе говоря, поведение индивида, проявляясь в определенных действиях и поступках, обнаруживает характер его вовлеченности в социальные отношения.

Проведенный выше анализ позволяет сопоставить концепт «образ жизни» с близкими и коррелирующими с ним понятиями. На основании соответствующего

---

²⁰ URL: <http://www.countries.ru/library/antropology/orlova/obraz.htm> (дата обращения 25.11.2017).

анализа мы можем дать следующее определение: образ жизни – это система наиболее типичных, повторяющихся жизненных практик, осуществляющихся в социальном пространстве в контексте антропологических, биографических, социокультурных и технико-социальных сред.

1.2. Философско-антропологический подход к образу жизни человека

С нашей точки зрения, правомерным является утверждение, что образ жизни конституируется как результирующее воздействие множества природных и социокультурных факторов при определяющей активности самого субъекта. Попытаемся прояснить роль каждого из них.

Цель данного параграфа: провести анализ антропологических детерминант образа жизни человека с позиций философской антропологии.

В философском аспекте проблему антропологических детерминант образа жизни человека на протяжении длительного исторического периода решала философская антропология. Философской антропологией называют область философии, в которой исследуются природа, сущность и специфика человека и обсуждается «проблема человека».

Проблема человека в различных аспектах, в том числе и затрагивающих тематику образа жизни, рассматривалась на протяжении всего историко-философского процесса. На начальной стадии этого процесса решение проблемы человека непосредственно коррелировало с выработкой определенной картины мира. Следует отметить, что на этом этапе цивилизационного развития философская картина мира создавалась не для прагматической цели конструирования производственных технологий, она вырабатывалась для решения мировоззренческой проблемы: определения места человека в мире, его отношения к природному и социальному бытию.

Например, центральная тема конфуцианской философии – достоинство благородного мужа, способного слышать веления Неба, которое является вершиной космической иерархии. Люди при этом должны хранить внутренний порядок, соблюдая традиции и предписания.

Конфуций много внимания уделял проблемам регулятивных механизмов образа жизни, определяя, в частности, границы допустимости человеческого поведения и уместности его поступков.

Подобная направленность от картины мира к проблеме человека и принципам его поведения обнаруживается и в западной философии. Ранняя древнегреческая философия в творчестве представителей натуралистического направления – Фалеса («все из воды»), Гераклита («все из огня»), Анаксимандра («все из апейрона»), Демокрита («все из атомов и пустоты») и др. – стремилась создать представление о целостном устройстве мироздания, в рамках которого и протекает жизнь человека.

Антропоцентрический поворот в древнегреческой философии, который, как известно, совершили «учителя мудрости» – софисты, обостряет интерес к проблеме человека. Протагор заявляет, что человек является «мерой всех вещей, существующих, поскольку они существуют, и несуществующих, поскольку они не существуют»²¹.

Антропоцентричную позицию софистов разделял и Сократ. Сократ ставил перед собой цель научить людей мудрости, представив образ жизни мудреца в качестве эталона поведения, которому должны следовать все люди. Проблема человека в философии Платона освещается с более широких гносеологических, онтологических и этических позиций. Мудрость человека, обеспечивающая должное его поведение, «достойный образ жизни», по Платону, связана с обретением знания об абсолютных сущностях, вечных, неподвижных, неизменных и самодостаточных Идеях (эйдосах).²²

Трактовка мудрости Аристотелем более конкретна. По Аристотелю, главное отличие человека от животного заключается во владении разумом, в умении вести интеллектуальную жизнь, в умении занять определенную нравственную позицию и следовать соответствующим моральным правилам. Образ жизни мудреца, по

²¹ URL: http://www.odinblago.ru/diogen_laetsky/10 (дата обращения 02.12.2017).

²² URL:

<http://cathedra.icc.dgu.ru/Content/files/Факультет%20психологии%20и%20философии/Кафедра%20философии%20и%20социологии/Платон%20-%20Диалоги.pdf> (дата обращения 22.10.2017).

мнению Аристотеля, должен основываться на добродетели. Высшей формой добродетельного образа жизни является теоретическая, познавательная деятельность. Аристотель полагал, что высшее доступное человеку наслаждение связано не с потреблением материальных благ, не с обретением славы и почестей; оно обретается в процессе теоретической деятельности, в умозрении, в созерцании бытийственных смыслов сущего.²³

В философии эпохи эллинизма (IV в. до н. э. – V в. н. э.) социально ориентированная этика Сократа, Платона и Аристотеля уступает место индивидуально ориентированной этике. Если и для Платона, и для Аристотеля задача нравственного совершенствования решалась через включение человека в социальную и политическую жизнь полиса, то, например, эпикурейцы и стоики считают условием высокой нравственной жизни освобождение человека от власти внешнего мира, включая и политическую сферу.

Для эпикурейцев и стоиков философия – это учение об индивидуальной мудрости. Мудрость же – это не столько обладание знанием, сколько нравственный образ жизни. Соответственно учение о мудром образе жизни – это не столько интеллектуальная теория, сколько руководство к действию. «Пусты слова того философа, которые не врачуют никакого страдания человека, как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так от философии, если она не изгоняет болезни души»²⁴, – пишет Эпикур в «Письмах к Менокею».

Помимо сходства в представлении о предназначении философии у эпикурейцев и стоиков были различия в более конкретных вопросах. Эпикур высшей целью человеческой жизни объявляет достижение счастья, понимаемого как обретение наслаждения. Но наслаждение духовное, не связанное с чередой плотских удовлетворений. «Когда мы говорим, что наслаждение – цель, мы говорим не о наслаждении распутников и вкусовых удовольствиях, как полагают некоторые несведущие, инакомыслящие или дурно к нам расположенные... Наша

---

²³ URL: <https://litlife.club/br/?b=159356&p=1> (дата обращения 13.11.2017).

²⁴ URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1358238790> (дата обращения 27.10.2017).

цель – не страдать телом и не смущаться душой. И не беспрерывно пиршествовать и плясать, не наслаждаться юношами или женщинами или же рыбой и всем, что дает роскошный стол... не они рожают сладостную жизнь, но рассудок»²⁵ – «Письма Менокею», Эпикур.

Как известно, Эпикур разделял желания человека на 3 класса: 1) естественные и необходимые — пища, одежда, жилье; 2) естественные, но не необходимые — сексуальное удовлетворение; 3) неестественные — власть, богатство, развлечения и тому подобное. Поскольку желание пищи естественно и необходимо, то такие желания, по его мнению, нужно удовлетворять, от всех же других желаний необходимо избавляться, потому что эти желания способны вызвать в душе человека смятение и беспокойство. При этом Эпикур подчеркивал, что даже естественные и необходимые желания следует стремиться удовлетворять умеренно потому, что наслаждение имеет свой предел.

Иное решение «мудрой жизни» предлагает стоицизм. Мировоззрению стоиков присущ глубокий фатализм - человек не в силах изменить природу вещей. Такая позиция постулирует пассивный образ жизни, исключает возможность бороться за что бы то ни было. «Мы не можем изменить строя вещей. Пусть человек считает, что все случившееся так и должно было случиться, мужественно перенося удары судьбы»²⁶, – пишет, в частности, Сенека. Мудрый образ жизни ведет тот человек, который осознал неизбежное и подчинился ему сознательно, отказавшись от чувственных наслаждений в пользу наслаждения собственной добродетелью, благодаря победе разума над страстями.

Человек в обретении своего счастья не должен зависеть от внешних сил. Счастье достигается изнутри, за счет правильного духовного настроя и волевой решимости вести добродетельную жизнь. Мудрец, с точки зрения стоицизма, – тот, кто достигает внутренней свободы, вырабатывая при этом полную невозмутимость. «Мы, – писал Сенека, – не можем изменить мировых отношений.

²⁵ URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1358238790> (дата обращения 27.10.2017).

²⁶ Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер., послесловие и примечания С.А. Ошерова. - Кемеровское книжное из-во, 1986. - С.54.

Мы можем лишь одно: обрести высокое мужество, достойное добродетельного человека, и с его помощью стойко переносить все, что нам судьба приносит, и отдаться воле законов природы»²⁷.

Этика стоицизма оказала значительное влияние на христианскую позицию. Быть духовно свободным, смиренно относиться к внешним невзгодам и несчастьям, преодолевать страдания и сдерживать свои страсти, быть способным к всепрощению – эти стоические идеи успешно были ассимилированы христианством.

Назначение и смысл жизни человека, учит христианская церковь, связаны с достижением «Царства Божия», а познание природного мира, многоумие – факультативны.

В христианском образе жизни решающая роль отводится духовным аспектам. А тело рассматривается как источник «греха». Опираясь на общие принципы христианского мировоззрения, Боэций предложил в качестве идеала человеческого образа жизни принять жизнь Христа²⁸. Августин Блаженный рекомендует строить образ жизни на единстве ума, воли и памяти²⁹. Абельяр считает, что нравственными регулятивами при построении соответствующего образа жизни должны стать грех и добродетель.³⁰

В Новое время оригинальную концепцию образа жизни в своей пантеистической философии развивает Б. Спиноза. С точки зрения Спинозы, все сущее во Вселенной представляет собой единую вечную субстанцию, Природу или Бога. Бог вечен, бесконечен и объемлет всю субстанцию. «Бог есть causa essendi (причина бытия) вещей»³¹. Бог – это Природа. Природа – это Бог. Соответственно, как считает Спиноза, мировоззренческой основой образа жизни должно быть пантеистическое мировоззрение.

---

²⁷ Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер., послесловие и примечания С.А. Ошерова. - Кемеровское книжное из-во, 1986. - С.47.

²⁸ URL: <http://www.ancientrome.ru/antlitrb/boethius/index.htm> (дата обращения 28.11.2017).

²⁹ URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/1 (дата обращения 20.12.2017).

³⁰ URL: http://www.odinblago.ru/zapadnoe_bogoslovie/dialog/ (дата обращения 23.10.2017).

³¹ Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. - М.: АСТ, 2001. – С. 27.

Как считает Спиноза, образ жизни должен исходить из пантеистического мироощущения, то есть ощущения единства Бога и Природы. Соответственно законам Природы должен быть подчинен праведный образ жизни. «Я» – органическая частица Вселенной, при этом вся Вселенная - внутри меня». «Встать на путь реализации мудрого образа жизни означает осознание индивидом необходимости внутреннего духовного переосмысления своих прежних ценностно-смысловых установок, изменения своего мировоззрения и образа жизни так, чтобы они гармонировали с механизмами Природы»³².

Принципиально новый подход в философской разработке проблематики человека связан с немецкой классической философией, основоположником которой стал И. Кант. Подобно тому, как софисты осуществили антропоцентрический поворот в древнегреческой философии, Кант фактически произвел антропоцентрический поворот в философии Нового времени. Выстраивая свою концепцию о принципиальной инаковости мира вещей в себе и мира вещей для нас, о полной непознаваемости для человека мира вещей в себе, Кант (задолго до Гуссерля) по сути указал, что мир, окружающий человека, не может быть познан и понят в отрыве от человека, независимо от человека. Мир, окружающий человека, есть не что иное, как жизненный мир человека. Именно субъект (у Канта – человеческий субъект) творит мир как объект.³³ Наиболее полно кантовское понимание человека, дающее представление о его понимании образа жизни, изложено в его последней работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798 г.). В этой работе Кант определяет человека как живое существо, наделенное разумом. Как существо, наделенное разумом, человек обладает свободой воли и способен, таким образом, к свободным поступкам. Он считает все, данное человеку от природы, не заслуживающим внимания, как не имеющим отношения к усилиям человека, хотя он никогда не забывает, что человек – часть природы. Однако значительно важнее для него вопрос о

---

³² Радугин, А.А. Ценность «его»: опыт поиска духовно-нравственных оснований жизни / А.А. Радугин // Вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып.1(3) –Воронеж – 2014. - С.75.

³³ URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000497/> (дата обращения 07.11.2017).

самоопределении человека. Тем самым антропология трактуется Кантом как наука, призванная помочь человеку реализовать все заложенные в нем потенции.

Такой подход зафиксирован в его формулировке, определяющей отличие прагматической антропологии от антропологии физиологической: физиологическая антропология «исследует то, что природа делает из человека», предметом прагматической антропологии является «то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам»³⁴.

Идея о саморазвитии, самостановлении человека как субъекта находит свое обоснование в тезисе о самовоспитании как отличительном признаке (*proprium*) человека. По мнению Канта, субъект пуст, так как все, что необходимо, все, в чем проявляется его свобода, - это приобретенное. И хотя природа заложила в человека «зерно раздора», она же тем самым открыла для него возможность совершенствовать себя «через развитие культуры». Весь процесс развития культуры направлен на применение в жизни приобретенных знаний и навыков. Однако самый главный предмет в мире, к которому эти познания могут быть применены, — это человек, ибо он для себя последняя цель. Следовательно, знание родовых признаков людей как земных существ, одаренных разумом, особенно заслуживает название мироведения, несмотря на то, что человек только часть земных созданий.

По словам Канта, человек всегда может стабилизировать важные элементы своей природы посредством культуры. «Человек своим разумом определен к тому, чтобы быть в общении с людьми и в этом общении с помощью искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность и чтобы, как бы ни была сильна его животная склонность пассивно предаваться побуждениям покоя и благополучия, которые он называет счастьем, стать, ведя деятельную борьбу с препятствиями, навязанными ему грубостью его природы, достойным

---

³⁴ Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Антропология с прагматической точки зрения. Полное собрание сочинений в 6т. – М., 1966. - Т.6. - С.351.

человечества»³⁵. С точки зрения Канта, «выражения «знать жизнь» и «уметь жить по-своему» далеко не одинаковы по своему значению: первое означает понимать игру, свидетелем которой был человек, второе — участвовать в этой игре»³⁶. Именно поэтому иногда концепцию Канта называют «человек-актер». Человек должен как бы играть, по мнению Канта, только в этом проявляется его свобода и субъективность. Эту мысль Кант обосновывает в параграфе 15 «О дозволенной моральной видимости». По его словам, «чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры»³⁷. В интерпретации главной нормы человеческого поведения Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» так же, как и в «Критике практического разума», называет долг. Обосновывая это положение, он пишет: «Легкость в исполнении чего-то не следует смешивать с навыком в таких действиях. Первая означает определенную степень механической способности: «Я могу, если хочу» — и обозначает субъективную возможность; второй означает субъективно-практическую необходимость, то есть привычку, стало быть, определенную степень воли, которая приобретается путем неоднократного применения своей способности: «Я хочу, потому что это повелевает мне долг».³⁸

Субъективно-идеалистический период в развитии немецкой классической философии продолженный вслед за Кантом Фихте. В качестве Первосубъекта мира жизни человека и человечества в целом Фихте берет уже не антропологические характеристики человеческого рода (априорные структуры, изначально присущие человеку как представителю своего рода) – это было сделано Кантом, – но всеобщий и универсальный Дух человека (человечества), называемый Фихте Я³⁹.

Позже у Шеллинга и затем у Гегеля этот Дух уже отрывается от человека, сублимируется, генерализируется и превращается в тот объективный

³⁵ Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. - С.578.

³⁶ Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. - С.578.

³⁷ Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. - С.588.

³⁸ Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. - С.588.

³⁹ Фихте, И.Г. Сочинения в 2-х томах / И.Г. Фихте. — СПб.: Мифрил, 1993. — С. 544.

Абсолютный Дух, который порождает через свое отчуждение весь мир сущего, в том числе и мир человека.

Преодолеть отрыв Первосубъекта от реального человеческого бытия, устранить грандиозную мифологему объективного идеализма Шеллинга и Гегеля попытался Л. Фейербах. Фейербах отрицает Абсолютный Дух как некую самостоятельную сущность, Фейербах не верит в некий самодостаточный, вне- и дочеловеческий Разум, он считает необходимым вернуться к эмпирическому человеку и ставит во главу угла именно человеческий разум. Заявляя о желании создать антропологическую философию, Л. Фейербах пишет: «...новая философия, разумеется, также опирается на разум, но на разум, сущность которого сводится к человеческой сущности, таким образом, опирается не на тот безымянный разум, который лишен сущности, лишен красок, но на разум, насыщенный человеческой кровью»⁴⁰.

Антропологическая философия Л. Фейербаха следующим образом трактует проблему человека: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»⁴¹. Для создания своей философии Фейербах разрабатывает так называемый «антропологический метод», следующим образом характеризуя его: «В чем же состоит мой «метод»? В том, чтобы посредством человека свести все сверхъестественное к природе, и посредством природы все сверхчеловеческое свести к человеку, но неизменно опираясь лишь на наглядные, исторические, эмпирические факты и примеры»⁴².

По Фейербаху, сущность человека состоит «в воле, мышлении и чувстве»⁴³. Такая антропологическая позиция, по сути, игнорирует социокультурный аспект сущности человека, однако для Фейербаха не характерен биологизм. Большое

---

⁴⁰ Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2 т. / Л. Фейербах. – М., 1955. – Т. 1. – С. 293.

⁴¹ Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2т. - С. 202.

⁴² Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2т. - С. 267.

⁴³ Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2т. – С. 31 - 32.

значение Фейербах уделяет человеческой духовности. По его мнению, «человек, совершенный, настоящий, только тот, кто обладает эстетическим или художественным, религиозным или моральным, а также философским или научным смыслом»⁴⁴. Соответствующего рода духовная составляющая человека выступает в учении Фейербаха как изначально данное, отнюдь не рассматриваясь как результат эволюции, развития, деятельности.

Антропологизм в немецкой классической философии базировался на методологии рационализма. Однако в то же время, но независимо от него с иррационалистических позиций оригинальную антропологическую концепцию выстраивал и другой критик немецкой классической философии – А. Шопенгауэр. Уже в первой и основной своей работе «Мир как воля и представление» Шопенгауэр выдвигает идею, что решающими детерминантами человеческого бытия являются не разум и дух человека, но его физиология, его телесность, сфера инстинктов, страстей и побуждений. Таким образом, Шопенгауэр радикально трансформирует традицию западноевропейской философской мысли.

Свою работу «Мир как воля и представление» Шопенгауэр начинает с критики основополагающих идей теории познания Канта. Занимая позицию агностицизма, Кант утверждал, что на основе своего разума человек никогда не сможет постичь мир вещей в себе. Шопенгауэр соглашается с этим посылом Канта, но полагает, что путь к миру подлинной объективности (по Канту, миру вещей в себе) пролагает не разум человека, но его тело.

По мнению Шопенгауэра, тело человека – это материальный объект; оно существует в пространстве и во времени, и каждый человек достаточно много знает о своем теле. Это знание не теоретично, оно проистекает не столько от мысли, сколько от ощущений. Соответственно такое знание человек не может определить в понятийной форме, не может выразить в слове и передать другим. Обнаруживается, что подавляющая часть внутренней жизни индивида ему самому неизвестна. Она находится вне зоны рефлексии, она внесознательна и даже не

---

⁴⁴ Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2т. – С. 202.

может быть допущена в сознание, поскольку знание своей глубинной природы причинило бы индивиду больше страданий, чем он смог бы вынести.

Что же, по Шопенгауэру, содержит внутреннее знание собственного тела? Шопенгауэр считал, что и в мире в целом, и на уровне индивида в частности царит некое непреходящее и неустанное фундаментальное устремление, определяемое Шопенгауэром как воля. «Куда мы ни взглянем, - пишет он, - мы видим это стремление, составляющее ядро и в себе, и в каждой вещи». Что есть страдание? Это «задержка, которую это стремление терпит от преграды, возникающей между нею и ее временной целью». А что же есть счастье, благополучие? Это «достижение цели»⁴⁵.

Масса желаний одновременно существуют в подсознании каждого индивида. Воля неустанно толкает его вперед, и едва он успевает удовлетворить одно желание, как тут же возникает другое. Таким образом, выстраивается бесконечный бег беличьего колеса человеческой жизни, вечно вращающейся вокруг оси страстей и желаний, которые лишь иногда обретают насыщение.

Но удовлетворяет ли человека это насыщение? – вопрошает Шопенгауэр и отвечает: конечно, нет. Обратной стороной насыщения является скука, и индивид снова приходит в движение, но на этот раз, чтобы избежать скуки. Бесконечное вожделение, беспрестанный труд, постоянные страдания и тревога – вот на что обречен человек – считает Шопенгауэр – по сути своей жизненной природы. Таким образом, Шопенгауэр ставит в центр своей антропологической позиции новый тип человеческого субъекта – субъекта вожделеющего. И это вожделение, с точки зрения Шопенгауэра, образует основание и содержание человеческого бытия.

А что же выступает детерминирующим фактором этого вожделения? Ответ Шопенгауэра на этот вопрос таков: инстинкты. Нельзя не отметить, что Шопенгауэр сформулировал ключевую психоаналитическую позицию задолго до рождения Фрейда: индивидом управляют глубинные, подсознательные,

---

⁴⁵ Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление, Т.2. Пер. с нем. / А. Шопенгауэр. – Минск: ООО «Попурри», 1999. - С. 315.

биологические импульсы, и индивид заблуждается, полагая, что, поступая так или иначе, он действует вполне осознанно.

Шопенгауэр считал, что ведущим среди человеческих инстинктов является половой инстинкт, выражающийся и проявляющийся как чувство любви. Основой человеческого поведения выступает не что иное, как сексуальное влечение, которое, пишет Шопенгауэр, «является скрытым механизмом любого поступка и поведения, оно проглядывает отовсюду, несмотря на тщательно наброшенные на него покровы. Оно является причиной войн и предметом мира... неистощимым источником остроумия, ключом ко всем намекам, значением таинственных фраз, невысказанных замечаний и брошенных украдкой взглядов; оно - предмет неустанных фантазий и молодых, и старых, неизменный призрак умов порочных и неотвязный спутник воображения целомудренных».⁴⁶ В трактате «Мир как воля и представление» Шопенгауэр заложил методологические основы для понимания антропологических детерминант образа жизни человека. Конкретные проблемы образа жизни рассмотрены им в работе «Афоризмы житейской мудрости».

Ф. Ницше углубляет иррационалистическую тенденцию в антропологическом принципе. В своей работе «Происхождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше выделяет два начала, определяющие образ жизни человека: дионисийское и аполлоническое. Свою концепцию дионисийского начала Ницше строит с опорой на греческую мифологию, в которой Дионис был богом радости и веселья, олицетворял собой избыток, безмерность на уровне чувств, аффектов, поведения. Ницше следующим образом описывает дионисийское начало: «либо под влиянием наркотического напитка, о котором говорят в своих гимнах все первобытные люди и народы, либо при могучем, радостно проникающим во всю природу приближении весны просыпаются те дионисийские чувствования, в подъеме коих субъективное исчезает до полного самозабвения»⁴⁷. Ощущение опьянения уничтожает индивидуальность, высвобождает дух человека и позволяет человеку пантеистически слиться с Природой.

⁴⁶ Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление. – С. 530.

⁴⁷ Ницше, Ф. Рождение трагедии или Эллинство и пессимизм. Сочинения в 2 т. / Ф. Ницше пер. Г. Рачинский. – М.: «Мысль», 1990 – Т. 1. – С. 61.

Ницше по-своему продолжает подход Шопенгауэра к образу жизни человека, но на место воли к жизни (Шопенгауэр) Ницше ставит волю к власти. С точки зрения Ницше, именно воля к власти является определяющей: «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти; и даже в воле служащего находил я волю быть господином. Чтобы сильнейшему служил более слабый – к этому побуждает воля его, которая хочет быть господином над более слабым; лишь без этой радости не может он обойтись»⁴⁸. Таким образом, Шопенгауэр и Ницше заложили основы иррационалистической трактовки образа жизни человека. Эту традицию продолжил основоположник психоаналитической школы в философии З. Фрейд.

Исследователи отмечают, что Шопенгауэр и Ницше несомненно оказали влияние на З. Фрейда.⁴⁹ Так же, как Шопенгауэр и Ницше, Фрейд полагает, что главенствующую роль в образе жизни человека играют инстинкты. Особое значение Фрейд придавал инстинкту размножения или половому инстинкту.

Половой инстинкт ответственен за определенное энергетическое начало в человеке, называемое Фрейдом «либидо». Трактовка либидо у Фрейда неоднозначна, в разных работах он акцентирует внимание на различных характеристиках либидо. Но преимущественно Фрейд определял либидо как могущественную энергию полового влечения, далеко не всегда способного найти прямое удовлетворение из-за соответствующих социально-культурных ограничений. В такого рода случаях психика индивида прибегает к защитному механизму - сублимация (сублимация – дословно «возгонка»). Этот механизм позволяет реализовать энергию либидо в творческой, духовной, социально-желательной деятельности, не переступая нормы общественно приемлемого поведения. То, как индивид реализует энергию либидо, и определяет его образ жизни.⁵⁰

В поздних работах Фрейд разрабатывает идею о ведущей роли в поведении человека «инстинкта смерти», который последователи назвали «мортидо» –

---

⁴⁸ Ницше, Ф. Собрание сочинений в 2-х томах / Ф. Ницше. – М.: «Мысль», 1996. – Т. 2. – С. 117.

⁴⁹ URL: <http://klex.ru/7g3> (дата обращения 18.12.2017).

⁵⁰ Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции. / З. Фрейд. - М.: «Наука», 1991. – С. 429.

энергия саморазрушения, трансформирующаяся в деструктивные поведенческие проявления и также накладывающая отпечаток на образ жизни.

Выше мы проанализировали философско-антропологический подход к антропологическим детерминантам образа жизни философской антропологии в широком смысле этого слова. Однако определенный интерес представляет решение этой проблемы в «философской антропологии» в узком смысле этого слова. «Философской антропологией» в узком смысле принято называть философскую школу, сформировавшуюся в 1920 - 1950 гг. в Германии, распространившуюся затем в ряде других стран, прежде всего, в Австрии и Швейцарии. Основателями этой философской школы являются М. Шелер, Х. Плеснер и А. Гелен. Позднее к ним присоединились ученики и последователи М. Ландман, Р. Ландсберг, Э. Ротхакер, Э. Хенгстербег, Х. Щельски и др.

Проблема образа жизни человека родоначальниками этой школы решалась с позиций оценки его места в мироздании в целом, и в Природе в частности. Об этом уже свидетельствуют заголовки их основных работ: М. Шелер «Положение человека в космосе» (1928), Х. Плеснер «Ступени органического и человек» (1928) А. Гелен «Человек. Его природа и положение в мире» (1940) и «Первобытный человек и поздняя культура» (1956). Как мыслители представители «философской антропологии» сформировались в рамках немецкой философской культуры, и изначальным импульсом их философских исканий были вопросы, поставленные классиками этой культуры, главным образом, И. Кантом, А. Шопенгауэром, Л. Фейербахом, Ф. Ницше. Однако их не устраивали как исходные методологические подходы классиков немецкой философии к решению проблемы человека, которые, по их мнению, носили абстрактный метафизический характер, так и конкретные варианты решения этой проблемы.

Отказавшись от метафизических предпосылок, философская антропология, по замыслу ее основателей, должна была синтезировать в себе все существующие философские и естественно-научные знания о человеке и стать общей теорией, объясняющей его природу и сущность. Как утверждал Х. Плеснер, «принцип

антрополога состоит в том, чтобы исследовать человека ради него самого - из горизонта собственно человеческого бытия»⁵¹.

Исходным для решения проблемы образа жизни человека для представителей «философской антропологии» стала идея Ницше о человеке как биологически ущербном, непригодном для животной жизни существе. На основе этой идеи Плеснер в работе «Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию» создает философию живого как самого существенного элемента Природы. С точки зрения Х. Плеснера, сущность человека проявляется в его эксцентричности. Плеснер пишет: «Если жизнь животного центрична, то жизнь человека эксцентрична, он не может порвать центрирования, но одновременно выходит из нее вовне. Эксцентричность есть характерная для человека форма фронтальной поставленности по отношению к окружающей среде. Он не только живет и переживает, но он переживает свое переживание».⁵² В концепции Плеснера эксцентрическая позиция человека задает не только структуру его внутреннего мира, но и способы реализации человеческого существования, то есть, прежде всего, образ жизни, формы жизненных практик человека. С точки зрения Плеснера, основные формы поведения человека определяются тремя базисными антропологическими законами, выражающими объективную онтологическую необходимость.

Первый закон определен им как «закон естественной искусственности». В соответствии с этим законом эксцентрическая форма организации жизненных практик человека предполагает, что человек должен сам себя сделать тем, что он есть. Это, по Плеснеру, объективная онтологическая необходимость, которую он именуется абсолютной анатомией. С этих позиций искусственное, то есть создаваемая человеком культура, может быть истолковано не как нечто, что не может быть опосредовано какими-то внешними условиями, а быть только непосредственным выражением способа человеческого существования.

---

⁵¹ Плеснер, Г. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Г. Плеснер пер. А.Ф. Филиппов // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 126.

⁵² Плеснер, Г. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию. - С. 126.

Поскольку человек не может существовать без нормативного регулирования, постольку искусственность для человека столь же естественна, как и его биологическая организация.

Второй закон - это «закон опосредованной непосредственности». Этот закон определяет способ, которым даны объекты человеку, и форму отношения человека к себе. В соответствии с этим законом человек в своем сознании обладает прямым и непосредственным отношением к вещам. Однако это отношение само опосредовано, потому что человек не только растворяется в нем, но и по отношению к нему обладает дистанцией.

Третий закон - это «закон утопического места». В соответствии с этим законом человек, в силу своей эксцентрической позициональности, испытывает свою неукорененность, которая проявляется в том, что, достигнув чего-либо, он сразу же вновь оказывается вне пределов этого достигнутого. Человек не может обрести покоя, поскольку его эксцентрическая позиция постоянно лишает его равновесия, к которому он стремится. Как считает Плеснер, данный опыт неукорененности приводит человека к осознанию ничтожности бытия всего мира: собственное существование, равно как и всякое сущее, осознается человеком как нечто случайное. Это осознание приводит человека к мысли об основании мира, не подверженному случайностям, и это основание является абсолютным бытием, Богом. В этом Плеснер видит основание всей религиозности. Вместе с тем, с точки зрения Плеснера, эксцентрическая природа утратившего свою самость человека, приговоренного таким образом к вечному поиску и совершенствованию, обуславливает создание институтов социальности и культуры.

С близких Шелеру и Плеснеру методологических позиций Гелен рассматривает положение человека в мире в космологической перспективе, главным образом, в соотнесении с животным царством. Отрицая методологию метафизики, он стремится опереться на эмпирические факты. Поскольку доступной эмпирически является биологическая природа человека, то, считает Гелен, антропология должна стать антропобиологией. С этих позиций в

концепции Гелена человек рассматривается как «специальная биологическая проблема», которая может быть решена на основе изучения условий человеческого существования. По Гелену, с морфологической точки зрения, человек предстает как особый случай, как исключение в природном мире. В отличие от животного он лишен биологической специализации, то есть органической приспособленности к существованию в определенной природной среде. Отсутствие указанной биологической специализированности позволяет считать человека «недостаточным существом». Таким образом, с точки зрения Гелена, человек - это неукорененное в природе существо, лишенное прочной позиции в мире животных. В отличие от животных человек лишен полноценных инстинктов, специализированных органов чувств и поэтому не находится в «изначальной» гармонии с окружающим миром. Вместе с тем у человека есть «многие функционально друг от друга независимые, инстинктоподобные импульсы-пружины социального поведения, которые составляют предмет эмпирического учения о социальных регуляциях, или этики»⁵³. В своей концепции Гелен выделяет два взаимосвязанных друг с другом инстинкта человека: инстинкт агрессивности и инстинкт взаимности. Инстинкт агрессивности относится к врожденным импульсам, он определяет характер социального поведения. Наряду с инстинктом агрессивности существует инстинкт врожденной склонности человека учитывать интересы другого, то есть инстинкт взаимности.

По Гелену, социальные институты и биологическая организация человека находятся в следующем соотношении: «инстинкты не определяют каждую установочную форму поведения человека, как это имеет место у животных. Вместо этого каждая культура из множества возможных способов человеческого поведения выбирает определенные варианты и возвышает до таких общественно санкционируемых образцов поведения, которые обязательны для всех членов той или иной социальной группы. Такие образцы культурного поведения, или институты, освобождают индивидуумов от необходимости принимать чрезмерное

---

⁵³ Gehlen, A. *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik* / A. Gehlen. Bonn, 1970. - P. - 180.

множество решений и служат своеобразным путеводителем сквозь всю полноту впечатлений и раздражений, которыми переполнен открытый миру человек»⁵⁴. В этом, считает Гелен, и есть сущность закона жизни: ограничение возможностей и в то же время поддержка.

В антробиологической теории Гелена, по сути дела, социальные условия образа жизни человека выводятся из природных биологических условий жизни человека. Ущербность человека как животного ставит перед ним проблему поиска инструментов выживания: чтобы выжить, человек вынужден стать «действующим существом». «Принцип освобождения от бремени», который Гелен трактует как процесс преодоления физических ограничений своего тела на основе создания вспомогательных культурных средств, обеспечивающих выживание, существование человека, он называет главным принципом существования человека. Результатом этого процесса является становление человека как культурного существа. В концепции Гелена инстинкт взаимности является первоосновой социальности. По его мнению, инстинктивное происхождение нравственности и правовых законов подтверждается нормами «естественного права», апеллирующего к «врожденным» формам поведения. Обычай кровной мести, условия товарообмена, семейные отношения, религиозные обряды - это есть типы институционализации инстинкта взаимности.

Таким образом, представители «философской антропологии» делают кардинальный поворот в интерпретации антропологических детерминант образа жизни: если А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и З. Фрейд в качестве доминирующих детерминант образа жизни человека рассматривают либо инстинкты, либо эмоциональную сферу как «волю к жизни» или «волю к власти», то в «философской антропологии» биологическое начало в человеке трактуется как причина социальности и культуры. А это означает, что все социальные формы жизненных практик имеют биологическое основание. Таким образом явно прослеживается биологизаторская односторонность их интерпретации образа жизни человека.

---

⁵⁴ Gehlen, A. *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik.* - P. - 100.

Идею ведущей роли в образе жизни людей биологических, инстинктивных факторов разделяет и стремится обосновать ряд современных представителей психофизиологии. Например, С.В. Савельев представляет человека примитивным гоминидом, руководствующимся инстинктивными импульсами, продуцируемыми лимбической системой.⁵⁵ По Савельеву, индивид в своей жизнедеятельности детерминирован тремя основными инстинктами: половым, чувством голода и желанием доминировать. Именно они отвечают практически за все формы социальной и культурной жизни человека в их многочисленных вариантах и проявлениях. Детерминация поведения индивидов со стороны его инстинктов регулярно проявляется как похоть: гипертрофированное стремление к получению различного рода удовольствий (наслаждения). Зачастую похоть трактуется как власть над индивидом тех или иных стремлений, желаний, влечений, которые поработают индивида. Среди различных форм проявления похоти особо значимой для многих индивидов является похоть плоти в двух ее формах: похоть в принятии пищи и плотская похоть. Похоть в принятии пищи проявляется в чревоугодии, обжорстве. Второй такой формой является безудержное половое влечение. Патологическим проявлением второй формы похоти становится особое нервно-психическое заболевание – сексоголизм. Все устремления сексоголика подчинены установке получить половое удовольствие в любой его форме. Как справедливо считает Карел Войтыла, похоть меняет объект любви на иной объект. Если в нормальных человеческих отношениях объектом любви является личность, духовный мир другого человека, то похоть меняет объект любви на «плоть и пол» данной личности.

Главный вывод из вышеизложенного: в формировании и реализации образа жизни человека значительную роль играет антропологический фактор. Детерминирующий образ жизни человека антропологический фактор включает такие параметры, как генофонд, инстинкты, пол, возраст, строение нервной системы и мозга, гормональная активность. Все эти параметры образуют

---

⁵⁵ Савельев, С.В. Возникновение мозга человека. / С.В. Савельев. — М.: ВЕДИ, 2010. — С. 265.

фундаментальные условия функционирования организма и определяют работу психики человека.

1.3. Социокультурные стратегии реализации образа жизни

Антропологический фактор детерминации образа жизни затрагивает, прежде всего, природную, психофизиологическую составляющую человека как биосоциального существа; социокультурный же тип детерминации образа жизни обращен к его личностному уровню.

Как известно, личность человека формируется в ходе социализации, в процессе его активной деятельности, направленной на построение своего личностного мира, своего Я. Фундаментальной характеристикой личности является свобода. Обладая свободой, личность способна выбирать для себя ту или иную стратегию образа жизни.

Цель данного параграфа - рассмотреть основные социокультурные стратегии образа жизни в современном обществе.

Применительно к образу жизни личности принято выделять два основных типа социокультурных стратегий: пассивную личностную стратегию и активную, каждая из которых имеет свою тактическую организацию.

Пассивная личностная стратегия предполагает консервативный стиль образа жизни. Выбираются такие тактики, жизненные практики, посредством которых личность стремится сохранить уже достигнутые позиции. В данной стратегии преобладает мотивация избегания неудач.

Активная личностная стратегия задает деятельностный, активистский стиль образа жизни, выбираются тактики, нацеленные на самоутверждение личности. Разберем содержательное наполнение этой стратегии.

Начнем с уяснения ключевых понятий. Концепт «самоутверждение» акцентирует внимание на двух важных обстоятельствах: во-первых, человек утверждает себя сам; во-вторых, утверждение происходит внутри его Я.

Самоутверждение как личностная стратегия человека имеет вполне сознательный характер. Делая самоутверждение своей глобальной целью,

человек, как правило, сознательно решает, в какой области и какими средствами он будет пытаться ее реализовать. Л.С. Перевозчикова пишет: «Самоутверждение личности, в самом общем смысле, можно представить как процесс определения личностью своей необходимости в том социальном контексте, в котором она существует»⁵⁶. «Одновременно самоутверждение выступает как пожизненный процесс, в ходе которого в условиях собственной активности личность реализует не только социально обусловленную потребность взаимодействия с себе подобными, но и свою самость. В этом смысле самоутверждение осуществляет основную родовую функцию человека. Личность, участвуя в той или иной социальной деятельности, стремится достичь такой степени актуализации себя в ней, чтобы оказаться ей необходимой. Существовая в системе определенных социальных связей, доказывая необходимость и правомерность своих действий, идей, своего конкретного решения, личность доказывает свою человеческую состоятельность».⁵⁷

По мнению Е.П. Никитина, «с содержательной точки зрения, самоутверждение в самом общем виде можно охарактеризовать как способ (средство) обретения или удержания, или расширения человеком объема его собственно человеческого – бытия»⁵⁸.

Принципиально важно понять, каково мотивирующее основание самоутверждения. По нашему мнению, решающим фактором такого рода являются усвоенные человеком в процессе социализации ценностные установки.

Самоутверждение как стратегия осуществляется через расширение личностных границ. По мнению американского психолога В. Франкла, истинное бытие человека проявляется в его способности к трансценденции. Франкл пишет: «Мы встречаемся здесь с феноменом, который я считаю фундаментальным для

---

⁵⁶ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivnoe-samoutverzhdenie-lichnosti-kak-filosofskaya-problema> (дата обращения 24.10.2017).

⁵⁷ Перевозчикова, Л.С. Аксиологические основания гуманистической парадигмы в культуре информационного общества: дис. на соиск. уч. степени доктора филос. Наук: 09.00.13. / Перевозчикова Лариса Сергеевна. – Тула, 2008. - С.177.

⁵⁸ Никитин, Е.П. Феномен человеческого самоутверждения / Е.П. Никитин, Н.К. Харламенкова. - СПб., 2000. - С.72.

понимания человека: с самотрансценденцией человеческого существования! За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне – на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания».⁵⁹

Границы личности определяют поле ее возможностей и потребностей. Границы личности формируются всем ее жизненным опытом, но и открыты к переменам.

Одним из наиболее важных инструментов расширения границ личности является формирование в ее психике особых образований – субличностей. По мнению итальянского психолога Р. Ассаджиоли, невозможно создать что-то значимое, если ты не относишься к этому лично, не ощущаешь тот или иной проект как свой. Ассаджиоли пишет: «Если человек чувствует, что должен сделать этот мир (в целом или в каком-то фрагменте и аспекте) лучше, ярче, добрее или чище, и предпринимает длительные и эффективные усилия для этого, то у него неизбежно возникает и оформляется субличность, которая идентифицируется с этой его программой».⁶⁰

Понятие «субличность» выражает некую лично, субъектно окрашенную констелляцию, существующую на уровне человеческого подсознания и оказывающую существенное влияние на поведение данного человека. По мнению представителя трансперсональной психологии П. Феруччи, субличности – это психологические спутники каждой личности. Каждая субличность имеет свою специфику, в том смысле, что ей соответствует определенное состояние сознания, формируются свойственные лишь ей особенности габитуса, определенный тип

---

⁵⁹ Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 2012. – С 29 - 30.

⁶⁰ URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=91001> (дата обращения 14.11.2017).

мировоззрения. Из этого следует, что субличности представляют собой психодинамическую структуру, которая по мере своего развития стремится к независимому существованию и удовлетворению своих потребностей⁶¹.

В трансперсональной психологии процесс расширения границ личности происходит как формирование некоего комплексного Я, сущностного Я или истинного Я, объединяющего и диалектически в себе снимающего те субличности, которые характерны для подсознательного психического уровня данного человека. Истинное Я выступает для субличностей как духовный центр притяжения, обеспечивающий личностную целостность индивида.

Степень влияния на человека той или иной его субличности различна. У каждого человека есть доминирующая(-ие) субличность(-и), которая зачастую практически полностью подчиняет(-ют) себе данного человека. Для одних людей в качестве такой доминирующей субличности выступает их социально-статусное Я, для других – профессионально-карьерное Я, для третьих – семейно-ролевое Я и так далее. Следует отметить, что значительную роль в формировании субличностей играют устойчивые увлечения человека – его хобби.

Социально-психологические исследования показывают, что отождествление с субличностью чаще всего связано со статусом личности. Статус личности отражает ее значимость в социальном и межличностном взаимодействии.

По мнению А.А. Радугина, «статус личности имеет объективно-субъективную природу. Объективная сторона статуса личности связана с реальным положением индивида в конкретных структурах социума, выдвигающих свои требования к своим членам. Субъективная сторона – это оценка индивидом своего положения в системе социального взаимодействия и представление о своих ролях и функциональных обязанностях в этой системе»⁶². Именно субъективная компонента лежит в основе формирования той или иной субличности.

---

⁶¹ URL: <http://psylib.org.ua/books/psyntez/psy02/txt04.htm> (дата обращения 27.12.2017).

⁶² Радугин А.А. Проблема поиска личностных смыслов в современном обществе / А.А. Радугин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Вып.: 3 – Воронеж. - 2014. – С. 127.

Объективное положение дел и его субъективная оценка могут не совпадать, что порождает порой весьма серьезные проблемы для индивида, вступающего в социальные взаимодействия. Драматические ситуации возникают в случае некорректного отождествления целостной личности со своей отдельной составляющей, когда, например, человек преимущественно ассоциирует себя со своим телом (спортсмен, манекенщица); или с должностью (директор, главбух), или с интимно-личностной позицией (друг, любовник).

В трансперсональной психологии установлено, что в личностной структуре доминирует то, с чем личность себя отождествляет. Такое доминирование не только редуцирует целостную личность, но и создает условия для развития серьезных психологических сложностей в ситуации «физических травм у спортсменов и манекенщиц», «отставки директоров и бухгалтеров». Выходом для человека, попавшего в такую ситуацию, может стать операция разотождествления со своей субличностью.

Разотождествлением в трансперсональной психологии называется механизм отделения своего «чистого Я» от субличностей. Для этого, как считает Ассаджиоли, следует постараться отрефлексировать, зафиксировать и деконструировать «мыслеобразы» или субличности, не являющиеся нашим подлинным Я. «Нам следует, – пишет Ассаджиоли, – наблюдать их холодно и бесстрашно – так, как если бы они были просто внешними природными явлениями. Необходимо установить между собой и ними «психологическую дистанцию» и, удерживая мыслеобразы, так сказать, на расстоянии вытянутой руки, спокойно изучать их происхождение, их природу и их глупость»⁶³.

Самоутверждение как личностная стратегия, осуществляемая через расширение границ личности, реализуется в разнообразных жизненных практиках в рамках различных социокультурных ситуаций. Для нашего исследования особый интерес представляет социально активная стратегия самоутверждения в современном российском обществе.

---

⁶³ URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=91001> (дата обращения 14.11.2017).

В современной России разворачиваются процессы модернизации, происходит трансформация общественной жизни практически во всех ее сферах, что стимулирует существенные изменения и в образе жизни россиян.

Вовлечение России в рыночную экономику, широкое развитие капиталистических отношений приводит к коммерциализации образа жизни россиян, к нарастанию отношений конкуренции. Становится все более значимой идеология потребительства.

В политической сфере получают свое оформление институты капиталистической демократии, в которых широкое распространение получили процедуры состязательности, предполагающие конкуренцию политических организаций и лидеров при осуществлении борьбы за голоса избирателей.

Влияние социальных трансформаций в постсоветской России на личностные стратегии в модусе самоутверждения двояко. С одной стороны, стимулируется социальный активизм, выбираются жизненные тактики, ориентированные на достижение успеха, с другой стороны, возникает и стратегия самоутверждения на основе эскапизма.

Следует отметить, что в качестве стратегии образа жизни социальный активизм предполагает нахождение личности в непрерывной борьбе. Однако исход борьбы не predetermined, результатом ее может быть как успех, так и поражение. И здесь проявляется сила жизненной установки. Индивид, принявший пассивную жизненную установку, смиряется с поражением. Тогда как сильная установка на социальный активизм ведет к тому, что личность воспринимает неудачи как испытания или как ступени на пути к успеху, заставляя себя преодолевать сложности многократно и/или используя альтернативные пути достижения целей.

Современные исследования социальных процессов постсоветской России показывают, что мотивационной основой социально активного самоутверждения чаще всего выступает ценность личного и социального успеха. Неотъемлемыми атрибутами личностей с данной стратегической установкой являются стремление к достижению успеха и демонстрация признаков успешности. Успех как

социальный феномен в современном российском обществе зачастую может напрямую не связываться с достижениями конкретного человека, а выступать в качестве самодостаточной социальной ценности. Успех объективируется и в систему социальных отношений, включается как эталон, действует как социальный императив, выступает как социальное качество, нацеленность на достижение которого мотивирует поведение многих людей. Из этого следует, что феномен успеха становится значимым социальным фактом, важным элементом социальных отношений.

Как подчеркивает О.И. Якутина, «успех в качестве социального факта выходит за рамки субъективной человеческой индивидуальности, личностных свершений, объективируется, приобретает самостоятельный социальный статус и в этом качестве существует вне и независимо от сознания индивида, то есть становится существующим вне его творца, оказывает принудительное воздействие, побуждая, мотивируя и детерминируя других достичь данного образца»⁶⁴.

Социальный успех представляет собой определенный тип целедостижительных практик, который базируется на мотивациях лидерства, самоутверждения и самореализации, а также способ воплощения этих практик в конкретной социальной реальности. Успешными социальными практиками считаются такие, когда их результаты соответствуют первоначально поставленным целям и обладают социальной и личностной значимостью.

Важнейшим фактором достижения успеха является обладание личностью социальным интеллектом. Социальный интеллект – это интегральная способность личности, определяющая успешность общения и социальной адаптации. Иными словами, социальный интеллект предполагает адаптацию личности к наличной социальной реальности, а также определенный запас социального знания. Само знание, как известно, имеет социальную природу и содержит в себе характеристики того общества, которым было порождено. Социальное знание

---

⁶⁴ Якутина, О.И. Социальные практики успеха: Дискурс повседневности и социально-философское понятие: дис. на соиск. степени доктора филос. наук: 09.00.11. / Якутина Ольга Ивановна. - Ростов-на-Д, 2011 – С. 45.

формируется, когда люди в своей повседневной жизни оценивают и интерпретируют ситуации и условия, в которых проходит их жизнедеятельность, накапливая таким образом личный биографический и исторический опыт. На основе этого опыта у личности формируется определенная схема, которая помогает ей в интерпретации мира. Для более строгой характеристики успешного образа жизни целесообразно обозначить его внешние и внутренние показатели. Внешние показатели успешного образа жизни проявляются в таких параметрах социального бытия личности, как материальное благополучие, социальный статус, социальная репутация. Данные характеристики социального положения делают успех общественно осязаемым и возводят успешного индивида в ранг социально состоявшихся, успешных личностей.

Внутренним показателем успеха является состояние удовлетворенности жизнью, которое проявляется в различных психологических состояниях. Высшим же психологическим состоянием личности, достигшей успеха, является драйв, кураж, выражающийся в особом, приподнятом настроении, состоянии вдохновения и внутренней свободы. В этом состоянии человек живет более полной, более интересной, эмоционально насыщенной жизнью. Психологи характеризуют драйв, кураж как состояние потока или полета. В этом состоянии возникает ощущение, будто за тебя все делает какая-то особая сила, тебя «несет».

Социально активной стратегии образа жизни противостоит стратегия эскапизма, обусловленная иными сторонами современного общества. Как отмечают специалисты, современное общество развивается на основе противоречивых тенденций, связанных с процессами информатизации, глобализации и массовизации, обуславливающих интенсификацию социальных изменений и трансформацию существующих социокультурных моделей. Интенсификация социальных изменений, трансформация существующих социокультурных моделей приводит к сложностям адаптации и идентификации индивидов, поскольку естественным следствием этих процессов является нарушение механизмов включения человека в социальные сообщества. Происходящая в результате глобализации трансформация локальностей,

связанная с необходимостью подключения к самым различным смыслам и ценностным системам, требует от индивида повышенной социальной мобильности и способности к эффективной адаптивности. Эта ситуация приводит к ослаблению идентификационной матрицы, поскольку в рамках одной и той же социокультурной системы могут функционировать различные и даже противоречащие друг другу тенденции, создавая трудности адаптации для индивида в современном обществе. На основе этих процессов формируется ощущение социальной и информационной фрустрации, что является питательной почвой для жизненных практик эскапизма.

Разберемся, в чем состоит стратегия образа жизни эскапизма. Для начала уточним значение термина «эскапизм». Известно, что этимологически термин «эскапизм» является производным от английского «to escape» - убегать, избегать, спасаться, ускользать. В английском словаре Webster's New Collegiate (1973) термин «эскапизм» трактуется как «обыденное отвлечение разума в сторону воображаемой или развлекательной деятельности в качестве бегства от реальности или рутины».⁶⁵ В научный оборот термин «эскапизм» был введен английским поэтом и эссеистом А.К. Бенсоном, который в эссе под заголовком «Escape», опубликованном в сборнике «Escape, and Other Essays» (1915 г.), дает интерпретацию этого термина с литературоведческих позиций как «бегство от действительности». Что же заставляет нас все время «бежать»? - закономерно ставит вопрос английский мыслитель и отвечает: это тяга к разнообразию.⁶⁶

Как правило, в социогуманитарной литературе эскапизм рассматривается как разновидность психического расстройства или социальная девиация. А. Эванс трактует эскапизм как феномен, связанный со спецификой восприятия индивидом медиа и погружением в виртуальную реальность⁶⁷. П. Холлэндер феномен эскапизма связывает с политической деятельностью и скептической фрустрацией

---

⁶⁵ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/escapism> (дата обращения 29.11.2017).

⁶⁶ Benson, A.C. *Escape, and Other Essays* / A.C. Benson. N.-Y., 1915. – P. 3.

⁶⁷ Evans, A. *This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World* / A. Evans. L.: Fusion Press UK, 2001. – P. 106.

как результат неудовлетворения этой деятельностью⁶⁸. Исследователи признают, что эскапизм действительно может приобретать болезненные, патологические формы, однако, по мнению, Е.О. Труфановой, это скорее исключения. Она считает, что эскапистами, в широком смысле слова, являются все люди. По словам Е.О. Труфановой, «можно даже рискнуть сделать более смелое заявление: способность и тяга к эскапизму – это существенная черта человеческого бытия, одна из тех черт, которые проводят раздел между человеком и другими живыми существами. Особенность человеческой сущности, в отличие от прочих животных, заключается именно в том, что его сознание способно отрываться от «здесь и сейчас» и выходить за пределы непосредственно окружающей действительности»⁶⁹.

Следует отметить, что Е.О. Труфанова антропологические основания эскапизма представляет как его сущность. Тем самым, по сути дела, снимает вопрос о специфике эскапизма как ценностной установки и образа жизни. Исходя из вышеизложенного понимания образа жизни, мы считаем необходимым рассматривать эскапизм как его определенную стратегию. Можно признать, что эскапизм как стремление к бегству от действительности имеет в своем основании способность человека к самотрансценденции. Однако при исследовании эскапизма как специфической стратегии образа жизни закономерно возникает череда вопросов: откуда и куда «убегает» субъект образа жизни? Почему возникает потребность в таком «бегстве»? Как, на основе каких инструментов осуществляется это «бегство»? Отвечая на эти вопросы, мы можем понять эскапизм как стратегию образа жизни. Первый вопрос: откуда и куда «убегает» субъект образа жизни? В социогуманитарной литературе авторы, как правило, ведут речь о «спасительном бегстве» от реальности. Однако встает вопрос: что в таком случае понимается под реальностью? Реальность может иметь психический и материальный характер. Материальная реальность, в свою очередь, может быть

---

⁶⁸ Hollander P. The Survival of the Adversary Culture: Social Criticism and Political Escapism in American Society / P. Hollander. New Brunswick, 1991. – P. 3.

⁶⁹ URL: http://nbpublish.com/view_post_225.html (дата обращения 21.10.2017).

природной физической или социальной. Жизненные практики эскапизма напрямую связаны с характером реальности, от которой совершается «бегство». Социальная и психическая реальность атропоморфны по своей сути и зависят от оценочно-субъективных мнений. Это значит, что при их восприятии и оценке доминирует элемент субъективности, именно поэтому психическая и социальная реальности не представляют собой устойчивых конструкций. Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что жизненные практики эскапизма связаны с определенными проблемами в психической и социальной реальности.

Второй вопрос: почему возникает потребность в таком «бегстве»? В ответе на этот вопрос в социогуманитарной литературе существует большой разброс мнений. Так, английский мыслитель А.К. Бенсон и российский исследователь эскапистского сознания О.Е. Труфанова полагают, что тяга к «бегству» заложена в вечной неудовлетворенности человека своим текущим бытием – поскольку, воплотив свое желание, даже самое огромное, в жизнь, человек не успокаивается – у него появляются только новые желания.⁷⁰ Российские исследователи И.А. Федоров и М.М. Поздняков связывают побудительные импульсы к «бегству» с неустойчивостью оснований социальной реальности. По их мнению, в результате взаимодействия индивидуумов установки, ценностно-нормативная система, как и любые другие элементы социума, могут существенно трансформироваться. Шаткость и условность ценностно-нормативного регулирования поведения индивида в ту или иную историческую эпоху создает для него мотивационную возможность выбора своей траектории жизни. Отрицание существующих правил и норм, базирующихся на условности человеческого в рамках социальной действительности, приводит личность к сознательному уходу в свой мир, принципиальное отличие которого в субъективной «нерушимости» оснований.⁷¹ Одной из непосредственных причин стратегии эскапизма, считают И.А. Федоров и М.М. Поздняков, может выступать

---

⁷⁰ URL: http://nbpublish.com/view_post_225.html (дата обращения 21.10.2017).

⁷¹ Федоров, И.А. О субкультуре молодежного «перфекционного эскапизма» / И.А. Федоров, М.М. Поздняков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - № 7 (135). - 2014. - №7. - С. 26.

крах идеалов, которые индивид возвращал в себе долгое время: нежелание мириться с тем, что безнадежно ушло, заставляет индивида уйти туда, где по-прежнему, по его представлениям, существуют дорогие ему убеждения, идеи, верования.⁷²

Третий вопрос: как и на основе каких инструментов осуществляется это «бегство»? В социогуманитарной литературе эскапизм чаще всего противопоставляется активной жизненной позиции.⁷³ По нашему мнению, это противопоставление имеет под собой определенное основание, однако следует признать, что эскапизм как стратегия образа жизни предполагает определенные жизненные практики, которые могут требовать больших усилий и творческих ресурсов. Тем не менее основной характеристикой эскапизма как стратегии образа жизни является отсутствие прямой связи эскапистских жизненных практик с материальной действительностью.

Мы считаем, что в эскапизме как стратегии образа жизни возможны различные сценарии реализации жизненных практик.

В социогуманитарной литературе для характеристики этих сценариев используются такие понятия, как инструментальный эскапизм и экзистенциальный эскапизм.⁷⁴ В свою очередь, инструментальная стратегия эскапистского образа жизни имеет свои разновидности. Одной из разновидностей данной стратегии является стремление личности в своих жизненных практиках вынести общество «за скобки» своей жизни и ориентация на самоутверждение через достижение гармонии с самой собой и с Природой. Одна из главных целей реализации этой стратегии - стать свободным и самодостаточным человеком как в духовном, так в психическом и соматическом планах, стать полноценной личностью. Важное условие реализации этой стратегии – вера в свои силы, в свои возможности совершить то, что иногда кажется невозможным. Личность должна

---

⁷² Федоров, И.А. О субкультуре молодежного «перфекционного эскапизма». - С. 27.

⁷³ Heilman, R.B. Escape and Escapism Varieties of Literary Experience / R.B. Heilman // The Sewanee Review. - Vol. 83. № 3 - 1975. - P. 439 - 458.

⁷⁴ Литинская, Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. док. филос. наук: 09.00.01 / Литинская Джинна Григорьевна. – М., 2010. - С. 18.

сказать себе: я верю в свои силы, я употреблю всю свою волю, разум и любовь к жизни, к близким мне людям для того, чтобы реализовать эту стратегию; это будет мое главное достижение в жизни, что позволит мне уважать себя, гордиться и даст полное право сказать: я сделал себя! Данную установку А. Маслоу соотносит с удовлетворением высшего типа потребностей человека (в его классификации) – потребности самоактуализации⁷⁵.

Вторая разновидность данной стратегии связана с пониманием эскапизма как «способа бегства от повседневности в альтернативную реальность и выступает в качестве средства адаптации индивида в постиндустриальном обществе через освобождение от довлеющей власти рутинных практик»⁷⁶. Используя в качестве своих основных инструментов продуктивную силу воображения и творческого мышления, жизненные практики эскапизма позволяют индивиду не просто получить отдых от обыденности и психологическую разрядку, но и найти новые способы освоения мира. Таким образом, следует признать, что эскапизм – это не способ самообмана, в ходе которого индивид подменяет настоящую реальность желаемой, а творческое конструирование субъективной реальности, которое позволяет ему найти способ примирения с объективной реальностью. Однако жизненные практики эскапизма несут в себе не только позитивное для индивида содержание. Как отмечал И-Фу Туан, «тяга к эскапизму уводит воображение человека не только к прекрасному и лучшему, но также к ужасающему и кошмарному».⁷⁷

Продуктивная объясняющая модель инструментального типа стратегии эскапизма создана Питером Бергером и Томасом Лукманом в теории социального конструктивизма. Социальный конструктивизм как методология исследования общества предполагает определяющую роль человеческого сознания в конструировании реальности. С точки зрения социального конструктивизма то,

---

⁷⁵ Маслоу, А. Теория человеческой мотивации. Мотивация и личность / А. Маслоу. - СПб.: Евразия., 2002. – С. 90.

⁷⁶ Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я / Е.О. Труфанова. М.: Канон +, 2010. – С. 102.

⁷⁷ Tuan, Yi-Fu. Escapism / Yi-Fu Tuan. Baltimore and London, 1998. – P. 145.

что человек наделяет смыслом, становится для него реальностью. Отсюда следует, что никакой объект реальности не может рассматриваться как объективный, поскольку для каждого из объектов реальности возможны разными индивидами различные смысловые толкования. В своей теории социального конструктивизма Питер Бергер и Томас Лукман выявили парадокс, который наиболее точно определяет сущность социального конструктивизма, а именно: личность создает социальную реальность, в свою очередь, социальная реальность создает личность. Основными идеями теории социального конструктивизма являются «знания» как продукт интерпретации реальности, а также убежденность в том, что существующие независимо от воли субъектов феномены реальны и наделены особыми свойствами. Знание и реальность не являются общими для всех людей, они имеют релятивный характер. Существует множество реальностей, однако для индивида наиболее значимой является его повседневная реальность, так как она наполнена индивидуальными смыслами, поскольку проинтерпретирована на основе субъективного жизненного опыта.⁷⁸

Экзистенциальный эскапизм как образ жизни - это порождение современного общества, переживающего ослабление и распад социальных связей, нарастание социальной аномии. По мнению Д.Г. Литинской, в современном мире индивид оказывается перед сложной экзистенциальной задачей: найти баланс между свободой своих действий и ответственностью перед другими, неспособность индивида адекватно решить эту противоречивую задачу приводит к экзистенциальному эскапизму. В реальной жизни «экзистенциальный эскапизм проявляется в разрыве с любыми социальными идентичностями и идентичностью с собой, тем самым отвергая саму возможность искать Другого ради безграничного утверждения собственной автономии, не нуждающейся в Другом»⁷⁹. Таким образом, с точки зрения содержания, экзистенциальный эскапизм представляет собой внутренне противоречивое, парадоксальное

---

⁷⁸ Berger, P.L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality* / P.L. Berger, T. Luckmann. – Penguin Books, 1966. – P. 34.

⁷⁹ Литинская, Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. док. филос. наук: 09.00.01. – С. 18.

явление: с одной стороны, будучи добровольным разрывом социальных связей, он представляет собой экзистенциальную реализацию свободы человека как одного из ключевых идеалов европейской культуры, с другой стороны, эскапизм изначально задается виртуализированной реальностью современного общества, определяющей его несвободу и актуализирующей процессы отчуждения.

Актуальность теоретического обоснования стратегий образа жизни подчеркивает ситуация, сложившаяся в РФ на данный момент на рынке психологических тренингов и практических пособий по самосовершенствованию. Большинство современных методик по саморазвитию (тренингов, учебников, программ личностного роста и тому подобное) можно отнести к двум направлениям. Первое направление учит быть успешным. Для этого используются следующие группы практик и формирования навыков:

- «выход из зоны комфорта» - учащемуся предлагается совершить действия не типичные для него или не типичные с точки зрения обыденного поведения в данной социальной группе. От простых перформансов до существенных актов, например, удаления зубов мудрости;

- тайм-менеджмент – формирование навыков управления собственным временем;

- целеполагание – обучение эффективному планированию деятельности;

- «как производить впечатление успешного человека» - идея основана на убеждении, что успех обретает тот, кто выглядит респектабельным, достойным новых достижений.

Второе направление современных практических методик самосовершенствования соотносится с жизненными практиками эскапизма. Это многочисленные йога-тренинги, практики физического и духовного самосовершенствования.

Ценности и цели могут быть различны, и мы не считаем целесообразным их оценивание. Для нашего исследования большой интерес представляет оценка стратегий с точки зрения их эффективности, то есть соотношения затрат и

достижений, а именно – достижения ощущения гармонии. Ощущение гармонии появляется, когда потребности удовлетворены и цели достигнуты.

В настоящее время все острее становится вопрос не столько удовлетворения, сколько постановки цели. С каждым десятилетием удовлетворение первых трех ступеней потребностей, по А. Маслоу, становится все доступнее и перестает формировать цели и ценности масс. То есть для удовлетворения витальных потребностей и потребности в безопасности на базовом уровне требуется все меньше ресурсов (энергии и времени). Потребности в социальном принятии и принадлежности становится все проще удовлетворить при помощи интернета и виртуальной реальности, в которой можно быстро и легко найти референтную группу и получить принятие в ней своего виртуального образа. Как сформулировал Маслоу, переход на следующую ступень иерархии потребностей возможен только после удовлетворения предыдущей ступени, в результате чего большинство «застревало» на первых трех уровнях. Теперь, когда большинству стало просто их удовлетворить, встает вопрос о массовом стремлении к признанию и самовыражению. С одной стороны, удовлетворение этих потребностей тоже становится доступнее, благодаря новым информационным технологиям и виртуальной реальности. С другой - само по себе формулирование целей в рамках этих потребностей требует развитой мотивационно-ценностной сферы. Отсутствие смыслов вызывает внутриличностный дискомфорт, который ведет отнюдь не к переоценке ценностей и постановке целей, а к деструктивному поведению, призванному разрушить существующий порядок вещей. В животном мире похожим закономерностям подчиняется так называемая сенсорная психика, условно это выражается в том, что простейшее существо стремится не к хорошему, а от плохого. Этому же принципу подчиняется дихотомия «свобода от и свобода для». То есть «свобода для» предполагает наличие цели, а стремление к «свободе от» - это стремление прекратить действие обстоятельств, в которых личность испытывает дискомфорт. Причем зачастую индивид не проводит анализа по выявлению точных причин своего дискомфорта, а просто стремится прекратить действие тех обстоятельств, в которых он его ощутил.

Таким образом, для обретения внутриличностной гармонии необходимо не только удовлетворение цели, но и ее наличие. В последние десятилетия наблюдается дефицит глобальных системообразующих целей, таких, например, как построение коммунизма или мировое господство нации. Это приводит, с одной стороны, к тому, что легко образуются сетевые структуры локальные «по интересам»: общества защиты тигров, общества против глобального потепления, общества поддержки памятников культуры, общества борьбы с раком. С другой стороны, так же просто образуются и деструктивные, агрессивные движения, приводящие к локальным военным и социальным конфликтам. Однако после краха глобальных мировых проектов прошлого столетия общество с недоверием относится к попыткам продвижения новых объединяющих идей. Возможно, разобщенность, плюрализм интересов ценностей и сетевой характер - это и есть характерные особенности текущей эпохи, которые исчезнут с приходом очередного нового времени.

Выводы к главе 1

Образ жизни в различных аспектах был предметом интереса различных социогуманитарных наук на протяжении всей истории их существования. Особый интерес к этой проблеме существует в современном обществе, которое в силу цивилизационных, социотехнологических, экономических, политических и культурологических причин переживает бурную трансформацию. Для социально-философского исследования образа жизни необходимо было провести его концептуализацию на основе обсуждения понятий, относящихся к различным сторонам связи человека с окружением, таких как «среда», «социальное пространство», «жизненный мир», «жизненная ситуация», «повседневность», «жизненные практики», «качество жизни», «ценностно-смысловая сфера» и тому подобное. Проанализировав структуру образа жизни, мы установили, что образ жизни – это «система наиболее типичных, повторяющихся жизненных практик, осуществляющихся в социальном пространстве в контексте антропологических, социокультурных и технико-социальных сред»⁸⁰.

Мы исходили из представления, что образ жизни людей обусловлен некоторыми всеобщими, универсальными антропологическими характеристиками, которые соответственно требуют анализа в рамках нашей работы. Так, в основу нашего анализа лег принцип антропологизма, разработанный И. Кантом, Л. Фейербахом, А. Шопенгауэром, Ф. Ницше, З. Фрейдом, который базируется на признании инстинктивных, телесных факторов ведущими в жизнедеятельности людей. В ходе изучения мы установили, что «антропологические детерминанты» образа жизни человека действуют не сами по себе, а реализуются через иерархическую систему социальных сред и принимают в них специфические социальные формы. Так, пол принимает форму гендера и образует гендерную среду. Возрастные среды на социальном уровне

---

⁸⁰ URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29112133> (дата обращения 30.10.2017).

образуют поколенческие среды и так далее. Оригинальный вариант решения проблемы образа жизни человека развивают представители «философской антропологии» в узком смысле этого слова М. Шелер, Х. Плеснер и А. Гелен. Позднее к ним присоединились ученики и последователи М. Ландман, Р. Ландсберг, Э. Ротхакер, Э. Хенгстербег, Х. Щельски и др. Проблема образа жизни человека родоначальниками этой школы решалась с позиций оценки его места в мироздании в целом и в Природе в частности. Исходным для решения проблемы образа жизни человека для представителей «философской антропологии» стала идея Ницше о человеке как биологически ущербном, непригодном для животной жизни существе. На основе этой идеи Плеснер создает философию живого как самого существенного элемента Природы. С точки зрения Х. Плеснера, сущность человека проявляется в его эксцентричности. В концепции Плеснера эксцентрическая позиция человека задает не только структуру его внутреннего мира, но и способы реализации человеческого существования, то есть, прежде всего, образ жизни, формы жизненных практик человека. С точки зрения Плеснера, основные формы поведения человека определяются тремя базисными антропологическими законами, выражающими объективную онтологическую необходимость. На основании своих исследований Плеснер делает вывод, что эксцентрическая природа утратившего свою самость человека, приговоренного таким образом к вечному поиску и совершенствованию, обуславливает создание институтов социальности и культуры. С близких методологических позиций решает проблему образа жизни человека А. Гелен, с точки зрения которого человек - это неукорененное в природе существо, лишенное прочной позиции в мире животных, поскольку он лишен полноценных инстинктов, специализированных органов чувств. Вместе с тем, у человека имеются многие функционально друг от друга независимые, инстинктоподобные импульсы-пружины социального поведения. Гелен выделяет два взаимосвязанных друг с другом инстинкта человека: инстинкт агрессивности и инстинкт взаимности. Представители «философской антропологии» делают кардинальный поворот в интерпретации антропологических детерминант образа

жизни: если А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и З. Фрейд в качестве доминирующих детерминант образа жизни человека рассматривают либо инстинкты, либо эмоциональную сферу как «волю к жизни» или «волю к власти», то в «философской антропологии» биологическое начало в человеке трактуется как причина социальности и культуры. А это означает, что все социальные формы жизненных практик имеют биологическое основание.

Было также установлено, что антропологические детерминанты образа жизни определяющую роль играют на уровне индивидов. На уровне личности в образе жизни определяющую роль играют социокультурные детерминанты.

В ходе исследования были рассмотрены основные стратегии образа жизни современного человека - пассивная и активная, каждая из которых имеет существенные тактические разнообразия. Среди тактик пассивной стратегии была выделена консервативная: основная ценностная ориентация такой тактики - выживание. Активные стратегии связаны с выбором тактик, нацеленных на самоутверждение личности.

В самых различных социокультурных условиях активная стратегия образа жизни на уровне личности направлена, прежде всего, на ее развитие, самоутверждение через расширение границ личности. Одним из наиболее важных инструментов расширения границ личности является формирование в психике личности особых образований – субличностей. Субличность представляет собой психодинамическую структуру, которая после инкорпорации стремится к независимому существованию. Слияние индивида с той или иной субличностью осуществляется на основе механизма идентификации или отождествления.

Стратегия образа жизни через самоутверждение личности на основе расширения ее границ осуществляется в жизненных практиках различных социокультурных ситуаций. Для нашего исследования особый интерес представляет социально активная стратегия самоутверждения в современном российском обществе. В современной России происходит существенная трансформация социокультурных, политических и экономических аспектов общественной жизни, которые, в свою очередь, стимулируют перемены и в образе

жизни россиян. Социальная ситуация в постсоветской России стимулирует выработку целесообразной тактики образа жизни, ориентированной на самоутверждение личности через достижение успеха.

В ходе исследования было показано, что в настоящее время в российском обществе доминирующее положение занимает такое представление о жизненном успехе, в котором успех в большей мере связывается с достижениями индивида во внешнем мире, важен успех материальный, денежный, карьерный. Социально активной стратегии образа жизни противостоит стратегия эскапизма, проявляющаяся в инструментальной и экзистенциальной формах.

Результаты исследования позволяют нам сделать вывод, что образ жизни, как интегральное, высокого уровня обобщения понятие, имеет право на статус социально-философской категории, которая позволяет через целостную систему антропологических характеристик и жизненных практик познать человека как субъекта деятельности.

Глава 2. Технологические детерминанты образа жизни в современном обществе

2.1. Трансформация уклада жизни в информационном обществе

Базовым основанием образа жизни является уклад жизни. Уклад жизни различен в различных типах общества. Сегодня мы наблюдаем переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу.

Цель параграфа: исследовать трансформацию уклада жизни на этапе становления информационного общества.

Прежде всего, определимся с исходным понятием «уклад жизни». Этимологически «уклад» означает обустройство, установившийся порядок организации явлений и процессов. В социально-философском смысле понятие «уклад жизни» характеризует конкретно-исторические, ценностно-смысловые, социально-экономические и технологические аспекты социокультурной системы, влияющие на характерный образ жизни людей, включенных в данную социокультурную систему.

Основные элементы уклада жизни во взаимосвязи друг с другом образуют устойчивую структуру, которая детерминирует спонтанные проявления жизненных практик индивидов и социальных групп. На основе участия в этой структуре индивид осваивает свое предметное окружение, социально-культурные нормы и ценности, образцы деятельности, социальное знание, морально-этические и эстетические представления. В укладе жизни в историческом развитии складываются устойчивые конструкты, которые обеспечивают формирование значимых ценностно-смысловых ориентаций и установок деятельности и поведения. На основе этих ценностно-смысловых ориентаций и установок формируются организационные нормы, выступающие регуляторами образа жизни. Механизм перехода от одного типа общества к другому, а следовательно, механизм смены укладов в социальной теории раскрывается на

основе концепции социальной трансформации. Уточним понятие «социальная трансформация».

Как известно, термин «трансформация» возник в связи с необходимостью оценки качественных преобразований систем, которые носят необратимый характер. Понятие «социальная трансформация» (как и категория «социальная революция») описывает коренные качественные преобразования общественной жизни, однако оно не имеет идеологического подтекста.

Специалисты отмечают, что социальная трансформация как процесс изменений общественной жизни носит многогранный характер. Соответственно, для ее анализа необходимо выделение различных сторон и уровней.

Прежде всего, необходимо отметить, что понятие «социальная трансформация» описывает не любой процесс качественных социальных изменений, а лишь процесс, происходящий в конкретном социуме. Следовательно, социальная трансформация предполагает смену качественной определенности любой целостной социальной системы.

В социогуманитарной науке существует устойчивое мнение о доминирующей роли материальных оснований в укладе жизни общества. Однако в вопросе о трактовке этих оснований существуют разночтения.

Так, в марксистском подходе решающая роль в общественной жизни, включая и такую ее значимую структуру, как уклад жизни, отдается способу производства материальных благ. Способ производства, по Марксу, есть единство производительных сил и соответствующих их уровню и характеру производственных отношений.⁸¹

Как известно, материалистическая концепция истории К. Маркса предусматривает последовательную смену общественно-экономических формаций, в которых происходит коренное изменение отношений собственности за счет соответствующего рода социальных революций.

Своего рода экономический детерминизм К. Маркса попытался конкретизировать австрийский экономист Й. Шумпетер, который выдвинул идею

---

⁸¹ Маркс, К. Капитал. Т.1 / К. Маркс. — М.: «Издательство АСТ», 2001. — С. 98.

о доминирующей роли в экономической жизни различного рода инноваций. По его мнению, «экономическое развитие – это, прежде всего, появление чего-то нового, неизвестного ранее, или, иначе говоря, инновация»⁸². Таким образом, появляются новые производственные отрасли и изменяются особенности циркулярного товарно-денежного потока. При этом важно учитывать, что эти изменения и само экономическое развитие неравномерны и имеют скачкообразную динамику вследствие нерегулярного возникновения инноваций.

Российский экономист Н.Д. Кондратьев, исследовавший длительные процессы в экономике, выдвинул положение, что ключевую роль в развитии цивилизации играют научно-технические инновации⁸³. Осуществив тщательный анализ долгосрочных колебаний экономической конъюнктуры, позволивший ему создать знаменитую теорию «кондратьевских циклов», он определил обновление основных производственных фондов как ведущую причину цикличности экономических процессов, происходящей благодаря научно-техническим инновациям.⁸⁴

С учетом идей Й. Шумпетера и Н.Д. Кондратьева современными отечественными экономистами С.Ю. Глазьевым и Д.С. Львовым была разработана специальная теория смены технологических укладов. В этой теории технологический уклад трактуется как «целостный комплекс технологически сопряженных производств, представляющий собой макроэкономический воспроизводственный контур, охватывающий все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления»⁸⁵.

Формирующие технологический уклад производства характеризуются следующими признаками:

---

⁸² Шумпетер, Й. Капитализм, Социализм и Демократия / Й. Шумпетер пер. с англ. предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — С. 56.

⁸³ Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. Сборник научных трудов / Н.Д. Кондратьев, Ю.В. Яковец, Л.И. Абалкин. — М.: Экономика, 2002. — С. 274 – 289.

⁸⁴ Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. - С. 274 – 289.

⁸⁵ Львов, Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 1986. — № 5. — С. 798.

- 1) находятся примерно на одном уровне научно-технического развития;
- 2) объединены качественно однородными ресурсными и энергетическими потоками;
- 3) имеют общий доступ к ресурсам квалифицированной рабочей силы;
- 4) находятся примерно на одном уровне научно-технического развития.

По мнению Д.С. Львова и С.Ю. Глазьева, «в экономической системе в любой момент времени одновременно существуют несколько технологических укладов, среди которых можно выделить главный, доминирующий уклад, который характеризует основные направления развития экономической системы в данное время»⁸⁶. Близкую Д.С. Львову и С.Ю. Глазьеву концепцию развивает Ю.В. Яковец, представляя технологический уклад как «несколько взаимосвязанных и последовательно сменяющих друг друга поколений техники, эволюционно реализующих общий технологический принцип»⁸⁷.

А.А. Нецадин и И.В. Липсиц главный акцент делают на макроэкономическом аспекте технологического уклада. Для них «технологический уклад есть целостная устойчивая совокупность сопряженных производств, в рамках которой происходит замкнутый макроэкономический цикл, состоящий из добычи первичных производственных ресурсов, всех стадий их переработки и выпуска соответствующих конечных продуктов»⁸⁸.

Исследуя генезис технологического уклада, А.А. Сытник дает следующую диффиницию: «Технологический уклад – это целостный комплекс технологически сопряженных производств в совокупности с адекватными им организационно-экономическими отношениями»⁸⁹.

По мнению В.В. Климовой, технологический уклад - это «совокупность некоторых технологий, которые характерны для соответствующего уровня

⁸⁶ Львов, Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП. — С. 801.

⁸⁷ Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2004. – С. 86.

⁸⁸ Липсиц, В.И. Промышленная политика России: принципы формирования и механизмы реализации / В.И. Липсиц, А.А. Нецадин // Общество и экономика. – 1997. – № 5. – С. 79.

⁸⁹ Сытник, А.А. Современные подходы к определению технологических укладов / А.А. Сытник // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. Вып.: 3(37). — Саратов. - 2011. — С 42.

развития производства с единым техническим уровнем производительных сил и общего научного потенциала»⁹⁰. Необходимо отметить, что в данном подходе к технологическому укладу акцент делается не на экономических взаимоотношениях в обществе, а на технических параметрах.

Теория технологических укладов в полной мере корреспондирует с современными теориями развития типов общества. В этих теориях типы общества преимущественно классифицируются по технологическому критерию. Характерной в этом смысле является предложенная американским социологом Д. Беллом классификация общества по уровню и характеру технологий.

На основе этого критерия Д. Белл выделяет три типа общества: доиндустриальное (аграрное), индустриальное и постиндустриальное. В каждом типе общества складывается своеобразный уклад общественной жизни. В этой модели Д. Белла переход от одного типа общества к другому происходит в результате изменения технологии, обуславливая изменение способа производства, господствующей формы собственности, социальных институтов, социальной структуры, культуры и образа жизни.

Первым типом общества в развитии цивилизации считается аграрное общество. В аграрном обществе осуществляется тесное взаимодействие человека с природой, его состязание с ней. Техническую основу аграрного типа общества составляли разного рода сельскохозяйственные орудия (плуг, топор, борона и так далее), а его энергетической основой являлась мускульная энергия человека и тягловая сила животных.

Социальной основой аграрного общества являлась сельскохозяйственная община, базировавшаяся на коллективном пользовании землей и совместной трудовой деятельности.

Для аграрного общества характерно то, что экономика основывается на сельском натуральном хозяйстве, в котором в основном используются ручные орудия труда, а промышленность практически не развита. Темпы экономического

---

⁹⁰ Климова, В.В. Технологические уклады — материальная основа экономического развития общества / В.В. Климова // Вестник СамГУПС. — 2010. — № 2(20). — С. 31.

развития являются низкими. Господствуют государственная и общинная формы собственности. Община и семья являются основными социальными ячейками общества. Это консервативный тип общества. Любые изменения происходят медленно и спонтанно, четко выражена ориентация на сохранение в неизменном виде всех устоев жизни. В аграрном обществе господствует религиозная матрица, все перипетии жизни индивида истолковываются как осуществление божественного промысла. Уклад аграрного общества можно назвать традиционалистским. Все стороны жизни в данном обществе регулируются традицией. Верность традициям считается высшей ценностью.

Исторически следующий после аграрного – индустриальный тип общества. Он характеризуется тем, что в нем завершен процесс создания крупной, технически развитой промышленности. Это служит основой экономики, социальных и политических структур. Индустриальное общество базируется на машинном производстве, предпринимательстве, развитых товарно-денежных отношениях и наемном труде, значительных накоплениях общественного богатства и крупных инвестициях в народное хозяйство, а также на научной организации труда, техническом, экономическом и политическом рационализме.

Движущей силой развития индустриального общества является научно-технический прогресс. Л.К. Гуриева приводит данные, согласно которым его вклад в экономический рост варьировал на различных отрезках времени от 20 до почти 80%.⁹¹

В историческом развитии индустриального общества принято выделять четыре технологических уклада.⁹²

Первый технологический уклад существовал в период 1770 – 1830 гг. В ядро данного уклада входили: текстильное производство, сталеплавильное производство, постройка и эксплуатация водных каналов. В качестве ключевых

---

⁹¹ URL:

<http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adbbc325672f003bdcf2/88e58149614c800fc325703000360bb3> (дата обращения 07.11.2017).

⁹² URL:

<http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adbbc325672f003bdcf2/88e58149614c800fc325703000360bb3> (дата обращения 07.11.2017).

факторов выступали водяной двигатель и текстильные машины. Характерной особенностью данного уклада была механизация и концентрация производства на фабриках.

Второй технологический уклад существовал в период 1830 – 1880 гг. Ядром данного уклада были: паровой двигатель, транспорт, машиностроение, паростроение, черная металлургия и станкоинструментальная промышленность. Характерной особенностью данного уклада было внедрение в производственный процесс и в дальнейшем широкое использование технологий на основе парового двигателя.

Третий технологический уклад индустриального общества занимает 1880 – 1930 гг. В его ядре выделяются электротехника и основанные на ней производства, а также тяжелое машиностроение. Ключевым фактором становится электродвигатель. Активно развивается стандартизация, повышается гибкость производственных процессов.

Четвертый технологический уклад существовал в период 1930 – 1980 гг., его ядро составляли: автомобилестроение и тракторостроение, цветная металлургия, производство синтетических материалов, нефтехимия и нефтепереработка. В качестве ключевого фактора выступает двигатель внутреннего сгорания. Характерным признаком данного уклада стали: государственное регулирование экономики, возникновение и расцвет военно-промышленного комплекса, переход к технологиям массового и серийного производства.

Принято считать, что сегодняшнее общество находится на этапе перехода от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу. «В литературе существует довольно много различных подходов к содержанию понятия «постиндустриальное общество». Самое простое его определение – стадия развития общества, приходящая на смену индустриальному обществу»⁹³.

Дэниэл Белл стал первым исследователем, назвавшим современное общество постиндустриальным. По его мнению, главный источник технологических

---

⁹³ URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-harakteristiki-epohi-postmoderna> (дата обращения 19.12.2017).

инноваций – это интеллектуальные технологии, базирующиеся на теоретическом знании. То есть теория перестала быть вспомогательным средством и стала базисом для рационального планирования развития технологий и социального устройства. Сектор товарного производства утратил доминирующую роль в экономике, эту роль стал играть сектор услуг. Возник достаточно развитый сектор высококвалифицированного технического труда, а традиционный пролетариат потерял прежнее значение. Таким образом «весь мир превращается в единый рынок, и все цены устанавливаются уже не соглашениями между отдельными производителями или странами, а в результате объективного соотношения спроса и предложения»⁹⁴.

Основой постиндустриального общества являются наукоемкие технологии, направленные на экономию ресурсов. Такие технологии развиваются на стыке различных научных дисциплин. В первую очередь это информатика, а также эргономика, промышленный дизайн, автоматика, системотехника, биоинженерия и биоинформатика, ядерная физика и пр.⁹⁵

Еще одно понятие, актуальное для определения современного общества, – это «информационное общество». Такую трактовку ввели Е. Массуда и Ю. Хаяши – японские социологи в конце 60-х – начале 70-х годов XX в.

По определению Ё. Масуда, информационное общество – это постиндустриальное общество на высшей ступени его развития, основу которого составляет такая нематериальная субстанция, как «информация».⁹⁶

Помимо японских исследователей в разработке концепции информационного общества деятельное участие приняли М. Кастельс, Д. Белл, Ю. Хабермас, З. Бжезинский, М. Маклюэн, Э. Гидденс, А. Турен, Д. Мартин, Э. Тоффлер, Г. Молитор, А. Кинг, Ф. Уэбстер, Д. Несбит, Д. Тапскотт, М. Постер, П. Дракер и др.

---

⁹⁴ Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – С.61.

⁹⁵ Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — М.: Academia, 2004. – С. 62.

⁹⁶ Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. - Washington, dc.:World Future Society, 1981. – P. 7.

Представляется важной высказанная М. Постером мысль, что для понимания уклада жизни в информационном обществе необходимо исследовать процессы, происходящие в сфере современной коммуникации.⁹⁷

Новый поворот в понимание уклада жизни в информационном обществе вносит автор теории «цифровой цивилизации» Д. Тапскотт. Он подчеркивает, что современное общество можно определить как общество знаний, в котором господствует цифровой способ представления и переработки информации. Формируется особого рода киберсфера, в рамках которой порождаются и начинают играть все большую роль в человеческой жизни различного рода виртуальные объекты и виртуальные миры.⁹⁸

Правомерно утверждать, что концепция информационного общества выступает в качестве теоретической модели современного этапа общественного развития, характеризующегося возникновением новых индустриальных, коммуникационных и когнитивных технологий.

Исследователи связывают информационный тип общества с пятым и шестым технологическим укладами. Время реализации пятого технологического уклада - от 1980 – 1990 гг. до 2030 – 2040 гг. Ядром данного уклада являются: электронная промышленность, вычислительная техника, оптоволоконная технология, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, информационные услуги. Характерными признаками данного уклада становятся автоматизация и компьютеризация производства, учет экологических ограничений, широкое использование цифровых технологий.

В ближайшем будущем пятый технологический уклад должен смениться шестым. Ростки последнего уже пробиваются сегодня в наиболее развитых странах мира, таких как США и Япония. Время реализации шестого технологического уклада специалисты оценивают в промежутке от 2030 – 2040 гг. до 2080 – 2090 гг. Ядром этого уклада станут: космическая техника,

---

⁹⁷ Poster, M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. / M. Poster. - Cambridge: Polity Press, 1990. - P. 46.

⁹⁸ Тапскотт, Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Д. Тапскотт пер.с англ. Дубинского И. Под ред. Писарева. С. - М.: Релф бук, 1999. – 403 с.

нанотехнологии, биотехнологии, тонкая химия. Ключевым фактором, возможно, окажется искусственный интеллект. Произойдет еще большее насыщение производства научно-техническим знанием, широкое развитие получат технологии порождения и внедрения инноваций, перманентным станет процесс образования и повышения квалификации, существенно возрастут требования к человеческому капиталу.⁹⁹

По мнению российского ученого И.С. Мелюхина, информационное общество является эволюционным продолжением индустриального, где особенно интенсивный рост демонстрируют информационно емкие секторы экономики. То есть в этом обществе основным продуктом, товаром и производительной силой является информация.

В информационном обществе быстрыми темпами формируется индустрия производства разнообразного типа информационного контента, складывается глобальная Сеть, именуемая киберпространством, снимаются практически все ограничения на производство и передачу информации. Информация признается важнейшим стратегическим ресурсом общества. Информационные технологии продуцируют новый тип социальности, связывая различные уровни и сферы общественного взаимодействия.¹⁰⁰

Еще одну важную характеристику современного социального общества отмечает С.С. Православский. Это посредническая роль цифровых технологий в социальных взаимодействиях, коммуникационных процессах. И самое главное, что, осуществляя посредничество, техника и технологии детерминируют социальные коммуникации. Происходит это в связи с формированием «технической и технологической социальности», в рамках которой взаимодействие осуществляется посредством определенных технологических решений, готовых интерфейсов и соответствующим образом структурируется¹⁰¹.

---

⁹⁹ URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения 22.12.2017).

¹⁰⁰ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Православский Стефан Сергеевич. - Воронеж, 2015. - С. 75-76.

¹⁰¹ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. - С. 75-76.

На основании данного анализа С.С. Православский делает вывод, что «технологические особенности информационного общества ответственны и за то, что уклад жизни информационного общества продуцирует так называемый отчужденный образ жизни»¹⁰².

Термин «отчуждение» появился в юриспруденции, где подразумевал лишение субъекта права на владение, пользование имуществом. В оборот философии понятие «отчуждение» ввел Г.В.Ф. Гегель, у которого отчуждение выступает как средство творения, созидания. По Гегелю, Абсолютный Дух через самоотчуждение реализует себя в мировом сущем; создает социальные и интеллектуальные системы, проецируясь в своих творениях.¹⁰³

К. Маркс понятию «отчуждение» придал социальное содержание. В его трактовке отчуждения акцент переносится на господство над живым трудом овеществленного труда. По Марксу, сущность отчуждения состоит в том, что в овеществленном виде человеческая деятельность перестает ему принадлежать. То есть, вкладывая в свою работу мысли и душу, человек по сути подвергается самоотчуждению, посредством отчуждения результатов его труда.¹⁰⁴

В социальной сфере отчуждение выражается в отсутствии творческой самореализации обывателя внутри большого государственного экономического механизма. Творческие цели придают деятельности смысл, в их отсутствии труд каждого индивида становится лишь функцией, в результате чего происходит отчуждение от овеществленной реальности и появляется ощущение неукорененности в бытии. В сфере межличностных отношений отчуждение проявляется в отсутствии взаимопонимания и эмпатии. Характеризуя это обстоятельство, Ж-П. Сартр заявил: «Ад – это другие».¹⁰⁵

Отчуждение является одной из самых острых проблем современности, которая связана с экспансией информационных технологий в современную социальную

---

¹⁰² Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. - С. 75-76.

¹⁰³ Гегель, Г.Ф.В. Феноменология духа / Г.Ф.В. Гегель // Собр. соч. Т.4. М.: Академический проект – 2008. - С. 381.

¹⁰⁴ URL: <http://psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (дата обращения 01.12.2017).

¹⁰⁵ Сартр, Ж-П. За закрытыми дверями. Пьесы. / Ж-П. Сартр. – М.: Аст. Фолио, 1999 – С. 275.

реальность и проявляется в дегуманизации отношения человека к человеку. Отчуждение, по мнению отечественных исследователей, приобрело в информационном обществе новую форму. Так, Н.С. Рыбаков утверждает, что «информационное общество по типу социальности оказывается продолжением вещной зависимости со всеми вытекающими отсюда последствиями, но с одним важным отличием: посредником в отношениях между субъектами здесь становится не вещь, а информация. Для этого общества характерны отношения информационной зависимости. Сохраняя формальную структуру отношений вещной зависимости, они оказываются принципиально отличными от них, чувственно-сверхчувственная вещь напрямую замещается идеально-семантическим феноменом, который принципиально недоступен чувственному восприятию. Субстанция этих отношений радикально иная по своей природе»¹⁰⁶.

Мануэль Кастельс развивает идею отчуждения с иных позиций. Он считает, что «существует системная взаимосвязь между информационным капитализмом, капиталистическим ограничением тенденций в сфере производственных отношений и новыми отношениями распределения. Или, в двух словах, между процессами сетевого общества, неравенством и социальной эксклюзией»¹⁰⁷. В связи с этим актуален вопрос об отчуждении коммуникации от социальности, обозначенный Ж. Бодрийяром. Он пишет: «Не является ли успех коммуникации и информатизации результатом того, что социальные отношения не могут выйти за свои пределы, будучи отчужденными? За неимением этого они возрастают в процессе коммуникации, множатся во всем многообразии сетей, натываясь на их безразличие. Коммуникация предстает перед нами как нечто наиболее социальное, это – сверхотношения, социальность, приводимая в движение техникой социального. Социальное же по своей сути есть нечто иное. Это была мечта, миф, утопия, форма, которой присущи конфликты, противоречия,

---

¹⁰⁶ Рыбаков, Н.С. Трансформация социального / Н.С. Рыбаков // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции, науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т. - 2011. – С. 524 - 525.

¹⁰⁷ Castells, M. The power of identity / M. Castells. - Oxford, 1997. – P. 157.

страстность, во всяком случае, явление неровное и особенное. Коммуникация же, упрощая «интерфейс», ведет социальную форму к безразличию. Вот почему не существует утопии коммуникации. Утопия коммуникационного общества лишена смысла, потому что коммуникация является результатом неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям. Это относится и к информации: избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим».¹⁰⁸

Большое количество информационных стимулов, постоянно обращающихся к сознанию, порождает определенные сложности экзистенциального характера. Сознание индивида постоянно активно в отношении переработки стимулов, приходящих извне. В результате, с одной стороны, у человека формируется ощущение тотальной занятости, с другой - редуцируются навыки рефлексии. Нахождение в одиночестве вследствие технических сложностей получения информации становится некомфортным, а иногда и травматичным для психики. То есть постоянное воздействие инфостимулов имеет своего рода эффект наркотической зависимости – постоянное нахождение в инфополе становится необходимым условием нормального существования, а информационный вакуум вызывает болезненные ощущения.

С.С. Православский отводит решающую роль в процессе отчуждения технически опосредованной коммуникации, которая становится не только и не столько средством взаимодействия, но и начинает детерминировать этот процесс: «Коммуникация отчуждается от социальности, частично переходя на сторону интересов определенного способа производства, предполагающего проекцию производственной сферы на сферу потребления»¹⁰⁹. Так, по мнению Православского, в укладе информационного общества большую роль играют информационно-коммуникационные технологии. Из всего вышеизложенного следует вывод, что образ жизни в информационном обществе вследствие формирования социальности, базирующейся на технологически опосредованной

---

¹⁰⁸ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. / Ж. Бодрийяр. – М, 2000. – С. 20 - 21.

¹⁰⁹ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. на соиск. степени канд. филос. наук: 09.00.11. - С. 75 - 76.

коммуникации, носит отчужденный характер.

На основе информационных технико-технологических процессов в информационном обществе идет процесс вытеснения главных элементов уклада жизни индустриальной эпохи - стандартизации, специализации, концентрации, централизации, максимизации; укореняются плюрализм, децентрация, фрагментарность, которые базируются на принципе разнообразия.

В современном информационном обществе все большую роль играют сетевые структуры, во многих сферах вытесняющие прежние – иерархические. Возрастают требования к мобильности, гибкости, эффективному ассимилированию постоянно возникающих технических, технологических и когнитивных инноваций. Складывается новая, весьма специфическая модель организации социальной реальности, для обозначения которой вводится термин «сетевое общество». Информационное общество становится средой существования и источником смыслов жизнедеятельности для людей современного мира. Особенности сетевого общества в контексте пятого и шестого технологических укладов - предмет анализа следующего параграфа.

2.2. Образ жизни в сетевом обществе

Уклад информационного общества базируется на информации. Понятие «информация» многозначно и многофункционально. Традиционно понятие «информация» отождествлялось со знанием, знание трактовалось как носитель информации. Поэтому в документах ЮНЕСКО «информационное общество» называется «обществом знаний».¹¹⁰

Уклад жизни современного общества в значительной мере связан с продуцированием, хранением и распространением знаний. Однако понятие «информация» имеет смысл не только как «знание», но и как «сообщение», message. На основе сообщений формируется система коммуникаций. Функционирование современной системы коммуникаций высокотехнологично. Используются, в частности, сетевые технологии, позволяющие сформировать так называемые «сети». Современное, информационное общество сегодня по сути превращается в глобальную сеть, что ведет к радикальным социальным трансформациям, в том числе к существенным изменениям на уровне образа жизни и личностей, и социальных групп.

Цель данного параграфа: представить сетевое общество как определяющую социальную структуру информационного общества и раскрыть характерные черты образа жизни в этом обществе.

Рассмотрим вначале ключевые понятия, описывающие информационное общество: «сеть», «сетевая организация общества», «сетевое общество». В современной научной литературе терминами «сеть», «сетевые структуры» обозначаются взаимодействующие объекты, связанные друг с другом линиями связи.

Наиболее известной теорией сетевой организации общества является теория, разработанная в 1990-х годах американским социологом М. Кастельсом и

---

¹¹⁰ URL: <http://unesdoc.unesco.org/ulis/tu/> (дата обращения 21.11.2017).

изложенная им в книгах «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»¹¹¹ и «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе»¹¹². М. Кастельс, анализируя трансформации современного, информационного общества, приходит к выводу, что сегодня сетевые принципы организации общества постепенно вытесняют иерархические. По его словам, «особенностью сетевой организации общества или сети является специфическое строение, основными элементами которого являются узлы и связи. Любому из узлов сети может быть назначена роль сетевого ядра. Ключевой характеристикой сетевой организации является отсутствие единого, раз и навсегда заданного ядра, что делает сетевую структуру гораздо более устойчивой и способной к продолжению функционирования даже после утраты большого количества своих элементов, которыми являются связи и узлы. Другие связи и другие узлы берут на себя функции утраченных, и сетевая структура остается в стабильном состоянии»¹¹³. М. Кастельс характеризует сетевую организацию как комплекс взаимосвязанных узлов, содержание которых в каждом конкретном случае зависит от особенностей сетевой структуры. При этом сети за счет дополнения новыми узлами способны расширяться без ограничений.¹¹⁴

На основании этого можно сделать вывод, что сетевая форма организации представляет собой децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов, способный расширяться за счет их пополнения. Таким образом, сети становятся динамичными и гибкими. Важными качествами сетевых структур выступают открытость и спонтанность. При этом открытость проявляется в двух функциях: первая - открытость элементов сети по отношению друг к другу на основе отсутствия внутренних перегородок между ее элементами; вторая – открытость границ сети по отношению к внешней среде. Спонтанность же трактуется как

---

¹¹¹ Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс, под ред. В.Л. Иноземцева // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Антология. - 1999. - С. 470 - 505.

¹¹² Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.

¹¹³ Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. - С. 470.

¹¹⁴ Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. - С. 471.

свободное формирование, текучесть, изменчивость элементов сети, поскольку в сети отсутствуют постоянные связи между элементами. Эти связи образуются в сети только на время решения актуальных задач. И это означает, что сетевые структуры полицентричны. Однако, как считает М. Кастельс, полицентричность не препятствует их целостности. Свойство целостности обеспечивается быстрыми эффективными внутрисетевыми каналами коммуникации, которые позволяют синхронизировать процессы, происходящие в различных частях сети.

На основе понятий «сетевые структуры» и «сетевая форма организации» была сформулирована концепция сетевого общества. Ян Ван Дейк, один из ее основоположников, в своей работе «Сетевое общество» особую роль в сетевом обществе отводит комбинациям медиа и социальных сетей, их участию в формировании структур общественного, коллективного и личного уровня.¹¹⁵ Широкое распространение в научной литературе термин «сетевое общество» получил благодаря публикациям М. Кастельса, книга которого «Зарождение сетевого общества» вышла 1996 году. В этой работе он определяет сетевое общество как общество, основой которого являются электронные коммуникативные сети, вокруг которых организованы ведущие социальные структуры и деятельность членов в него входящих.¹¹⁶

По мнению М. Кастельса, в сетевом обществе коммуникация осуществляется вне системы средств массовой информации. При этом Кастельс подчеркивает, что в данном случае речь идет не столько о самих социальных сетях, поскольку сетевая форма социальной организации существовала уже давно, сколько о новом периоде их жизни, об их невиданном расцвете на базе современных информационных технологий.

С точки зрения Кастельса, в информационном обществе сети стали базовыми ячейками. В сетевом обществе практически все явления становятся «сообщениями». Они объединяются, трансформируются, определяют характер сетевых сообществ, маркируют статус субъектов взаимодействия, служат

---

¹¹⁵ Van, Dijk. The Network Society. / Jan Van Dijk. – London, 2011 - P.34.

¹¹⁶ Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. / M. Castells. - Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. - P. 15.

критерием принятия или отчуждения. Если единицей общества является субъект, то единицей сетевого общества становится сообщение. Отсюда следует, что любая социальная форма, возникающая в результате коммуникации, является одним из видов сетей. Система построения сетевого общества проникает во все сферы человеческой жизни: политику, культуру, экономику, производство. В современном обществе любой инструмент взаимодействия, способный принять форму сообщения, может стать основой для создания социальной сети¹¹⁷.

Хотя сетевое общество формируется на основе уклада жизни информационного общества, следует разграничить понятия «информационное общество» и «сетевое общество». Понятие «информационное общество» определяет сущность современного общества, в то время как понятием «сетевое общество» подчеркивается феноменологическое бытие данного общества, поскольку этим понятием утверждается, что сети формируют организационные формы и инфраструктуры этого общества.

Термин «информационное общество» делает акцент на технологической стороне жизни общества. В концепции сетевого общества подчеркивается, что в современном обществе помимо технологических факторов большую роль играет множество других факторов: экономических, культурных, политических. Сетевые сообщества в информационном обществе обретают статус субъектности и, следовательно, их можно рассматривать как сетевые субъекты.

В настоящее время ядром сетевого общества является сеть Интернет. Кастельс пишет: «Существует множество механизмов формирования сетей. Однако ключевым, хотя далеко не единственным механизмом формирования сетей является Интернет. Это и широкие экспертные сети, и сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), и он-лайн конференции, которые объединили по интересам миллионы людей. Никаким традиционным институтам не под силу формирование столь широких и многообразных сетевых сообществ»¹¹⁸. Как отмечает Кастельс, мотивы для построения сетевого

---

¹¹⁷ URL: <http://ec-dejavu.ru/w/WWW.html> (дата обращения 18.11.2017).

¹¹⁸ Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - С. 86.

предприятия многообразны – это мобильность рынка труда, возможность удаленной работы, глобальность финансовых транзакций, налоговое планирование и так далее.

В функции «сеть сетей» выступает интернет, он порождает новый тип «социальных сетей», которые ранее нестабильным, эфемерным человеческим контактам придают черты устойчивой коммуникации. Как подчеркивает Кастельс, «реализация потенциала сетевой организации всевозможными общественными сетями привела к образованию он-лайн сообществ, которые реконструировали общество, способствовав при этом резкому расширению сферы охвата и применения компьютерных сетей»¹¹⁹. Все это, по мнению Кастельса, стало возможным по мере формирования новой технологической среды, делающей значительный вклад «в общую эволюцию моделей социального взаимодействия и в их отношения с материальным обеспечением такого взаимодействия: пространством, организациями и коммуникационными технологиями»¹²⁰.

Сетевое общество характеризуется трансформацией коммуникабельности. Это преобразование полностью основано на логике, присутствующей в коммуникационных сетях. Исследователи сетевого общества отмечают нарастание индивидуализма, который и без того выступает доминирующей ориентацией в современном обществе. Идею сетевого индивидуализма активно разрабатывает Кастельс. С точки зрения Кастельса, «сетевой индивидуализм представляет собой социальную структуру, а не «собрание изолированных индивидуумов», поскольку «именно индивидуумы, в соответствии со своими интересами, ценностями, склонностями и проектами, строят свои он-лайн и офф-лайн сети»¹²¹. Поэтому, считает Кастельс, сетевой индивидуализм является не стремлением человека к изоляционизму, а его стремлением к самовыражению, к свободе и творчеству. Сетевая организация общества не иерархична. Сети чаще всего имеют не один, а несколько локальных центров. Однако было бы ошибкой

---

¹¹⁹ Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - С. 80.

¹²⁰ Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - С. 151.

¹²¹ Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. - С. 157.

считать, что сетевая организация общества полностью уничтожает иерархию. Правильнее было бы сказать, что иерархия меняет свое содержание. «Она исчезает из коммуникации типа распоряжение-исполнение и локализуется в коде, управляющем дифференциацией функциональных инстанций и воспроизведением сетевой структуры во времени.»¹²²

Как справедливо замечает С.С. Православский, в сетевом обществе индивид является генератором сообщений, «однако для того, чтобы быть включенным в жизнь сетевого общества, он должен адекватно реагировать на появляющиеся потоки сообщений и выстраивать сложные коммуникативно-деятельностные конфигурации»¹²³.

Смена содержания иерархических структур в информационном обществе имеет объективное основание. Как отмечалось ранее, в информационном обществе основополагающую роль играют коммуникационные технологии. И в этом принципиальное отличие информационного общества от индустриального. Если технологии индустриального общества способствовали формированию иерархизированных структур власти-подчинения, где значимая информация, главным образом, транслировалась по вертикали, то в информационном обществе коммуникативные технологии позволяют эффективно транслировать значимую информацию по горизонтали. Это позволяет получать «экономия социального времени - наиболее значимого для современного человека ресурса»¹²⁴. С точки зрения Кастельса, технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли «экономические регионы» и «национальные рынки» индустриальной экономики. Эта технологическая инфраструктура сама является выражением сети потоков, архитектура и содержание которых определяются силами, действующими в нашем мире. Пространство потоков состоит из персональных микросетей, откуда

---

¹²² Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. - С. 75-76.

¹²³ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. - С. 75-76.

¹²⁴ URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/chelovek-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения 08.12.2017).

интересы передаются через глобальное множество взаимодействий в пространстве потоков в функциональные макросети»¹²⁵.

Необходимо отметить, что широкое распространение информационно-коммуникативных технологий ведет к радикальным сдвигам в образе жизни людей современного общества. В частности, широкое распространение сетей привело к тому, что производство стало более гибким, появилась возможность реагировать быстро на изменяющиеся социально-экономические факторы, включая спрос и предложение. И это стимулировало существенные изменения в экономической стороне образа жизни. Сетевая организация образа жизни изменяет также систему социальных отношений: если в индустриальном обществе эти отношения основывались на привязанности индивида к месту жительства, то в информационном обществе индивид перестал зависеть от территориальных связей. Материальным основанием для такого изменения социальных отношений является развитие средств коммуникации, которые предоставляют возможность удаленной работы, включая и работу в иностранных фирмах. На основе нового вида социального взаимодействия, которое создают социальные сети, позволяющего индивидам ощутить принадлежность к какой-либо объединенной схожими интересами группе, формируется новая социальная идентичность.

Изложенное выше позволяет определить образ жизни в сетевом обществе как систему наиболее типичных, повторяющихся жизненных практик в виртуальном пространстве в рамках современных систем коммуникации.

Следует, однако, заметить, что современное информационно-коммуникативное пространство характеризуется не только позитивным, но и негативным влиянием на жизнь современного человека. В Сети, зачастую, имеет место бесконтрольность, а значит, и вседозволенность, нередко происходит релятивизация ценностей, которая приводит к размыванию границ дозволенного и недозволенного. Интернет-пространство создает пользователю неограниченные

---

¹²⁵ Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. - P. 15.

возможности доступа к любой информации, не ставя при этом в известность ее собственника. В таком пространстве весьма затруднена защита интеллектуальной собственности, она либо просто невозможна, либо требует больших экономических затрат. Естественно, что новые коммуникативные электронные технологии начинают использоваться в интересах одних индивидов против интересов других индивидов. Так появляется «хакерство» и «пиратство» с целью прямого обогащения, шантажа или иного использования информации в противоправных целях. Создается возможность агрессивного навязывания информации, в том числе и возможность распространения порочных явлений, потому что Сеть не имеет достаточно надежных инструментов для отсева пользователей по уровню культуры, нравственности, интеллекта и даже возраста.

Негативные стороны образа жизни в сетевом обществе вызывают озабоченность как в научных и экспертных кругах, так и у широкой общественности. Сегодня предпринимаются попытки осмыслить функционирование сетевых процессов с точки зрения того, как можно минимизировать деформации образа жизни в сетевом обществе. Если с регуляцией современной системы коммуникаций не справляются правовые институты, то возрастает потребность в моральном регулировании.

Принимаемые в сетевом сообществе административные меры обнаружили низкую эффективность. На уровне Сети проблематично создание всеобъемлющей системы запретов, в связи с отсутствием сегодня возможностей осуществить надежный контроль соблюдения каких бы то ни было правил. Актуален поиск специфических принципов, норм и методов, обеспечивающих регуляцию в сфере современных систем коммуникации. Сегодня имеет место широкая дискуссия о методах противодействия негативным сторонам сетевого образа жизни. В мае 2008 года в нее включился и Папа Римский Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер). Он призывал мировое сообщество к выработке единой информационной этики,

отметив, что с этической точки зрения мы можем позволить себе далеко не все то, что возможно технически¹²⁶.

Следует отметить, что разговоры о необходимости разработки «инфоэтики» начались задолго до обращения понтифика Римско-католической церкви. Наиболее заметное свое воплощение инфоэтика получила на уровне конституирования соответствующих кодексов. Первый кодекс инфоэтики появился в США в 1979 году. Его разработка была связана с тем, что программисты, инженеры и разработчики Сети в результате своей деятельности прямым или технически опосредованным способом детерминируют сетевой образ жизни. Так, в основе кодекса ведущая роль отводится идее о том, что при разработке новых информационных технологий в первую очередь необходимо соблюдение этических норм.¹²⁷ В последующие годы такого рода кодексы создавались и внедрялись во многих организациях, работающих в сфере информационных технологий.¹²⁸

Вслед за специалистами к разработке инфоэтики подключились рядовые участники сетевых сообществ. В частности, анонимной группой Интернет-пользователей в 1989 году был опубликован манифест, в котором предлагались моральные принципы поведения в сетевом сообществе. В рамках этого манифеста впервые был очерчен значительный круг нравственных проблем сетевого образа жизни. Затем положения и требования инфоэтики уточнялись, появлялись новые трактовки. Однако вскоре перед инициаторами разработки инфоэтики встала фундаментальная проблема: воспринимать взаимодействие в сети как часть повседневной жизнедеятельности, на которую естественным образом распространяются морально-нравственные ограничения и правила поведения, или создавать новые уникальные этические кодексы взаимодействия в сети. От содержательного решения этой проблемы зависит и решение других важных

---

¹²⁶ URL: <http://www.bolizm.ihep.su/> (дата обращения 13.12.2017).

¹²⁷ URL: http://ng.ru/99-12-15/5_intemet.html (дата обращения 17.12.2017).

¹²⁸ Майнен, К. Виртуальная этика / К. Майнен пер. Д.А. Майорова // Библиотеки за рубежом: Сборник. – М.: Рудо-мино, 1998. – С. 205 – 208.

проблем сетевого образа жизни, включая проблему смысла и назначения самой Сети, меру допустимого в информационных коммуникациях.

Для решения проблемы нравственных принципов жизни в сетевом обществе в Интернет пространстве развернулась широкая дискуссия, в ходе которой отчетливо проявились две основные ценностные позиции.

Первая ценностная позиция базируется на идеологии либерализма. Сторонники данной позиции рассматривают Сеть как часть обычной повседневности, а Интернет - как одну из площадок размещения коммерческой информации, в связи с чем эта позиция предполагает строгое соблюдение авторских прав и на просторах Сети со всеми соответствующими ограничениями по использованию информации.

Вторая позиция носит антилиберальный, «анархический» характер. Ее сторонники рассматривают Сеть как особую реальность, живущую по своим собственным законам и имеющую миссию повышения уровня культуры и образования пользователей Интернета. В рамках такого понимания считается, что любые ограничения в работе Сети невозможны без ощутимого ущерба человечеству. В связи с этим они не признают в Интернете понятия «авторские права». Исходя из этой позиции, появляясь в Сети, информация в любой ее форме и содержании становится общедоступной. А отсутствие рамок и «вседозволенность» виртуального взаимодействия не представляет собой опасности, а скорее ведет к межличностному пониманию и развитию социума.

Анализируя эти позиции, мы приходим к тем же выводам, которые делает А.А. Скворцов: «Обе они односторонни и очевидно целиком не применимы на практике. Недостаточность первой выражается в прямолинейности, с которой она отстаивает однородность сетевой и обычной реальности. Безусловно, оба пространства не чужды друг другу, тем не менее возникают особые проблемы, появившиеся только с распространением Интернета, например, то же незаконное копирование. Но и вторая позиция явно переоценила желание человека стремиться к совершенствованию и не предвидела многие отрицательные явления

в глобальной сети, наносящие вред отнюдь не «виртуальным субъектам», а реальным личностям»¹²⁹.

На сегодняшний день в ходе дискуссии о системе регуляции и культуре пользовательского поведения в Сети был достигнут консенсус по трем принципам инфоэтики: гарантии личной свободы, здоровый консерватизм, стремление к сохранению популяции в целом.

Принцип гарантии личной свободы предполагает, что каждый волен делать все, что ему будет угодно, если это не вредит другим членам общества, не ущемляет их интересов. Принцип здорового консерватизма означает бережное отношение к уже достигнутому, опору на уже достигнутое и бережное его использование для решения текущих задач. При этом подчеркивается, что определение консерватизма как «здорового» коррелирует с понятием «здоровье».

Принцип самосохранения требует приложения усилий для защиты Сети, для ее оберегания от чересчур активных попыток вмешательства в ее работу и ее изменения. Следует признать справедливость принципа самосохранения. Естественно, что сетевое сообщество должно беречь и защищать свою среду обитания – Сеть.

В соответствии с этими принципами были разработаны конкретные регулятивы образа жизни в сетевом обществе. Регуляцию поведения в Сети условно можно разделить на два основных направления: первое - сетевые права, второе - принципы сетевой этики. В направлении «Права» говорится о правах, принадлежащих каждому взрослому субъекту Сети. К такого рода правам относятся следующие: право на коммуникации; право на сохранение тайны; право на юрисдикцию; право на доступ; право на администрирование. Основным, интегрирующим все другие права является право на коммуникации, которое включают в себя все другие права. Второе направление регуляции включает в себя четыре основных принципа сетевой этики: принцип терпимости; принцип доверия; принцип предупредительности; принцип регуляции. Соблюдение этих принципов должно обеспечить выполнение изложенных выше прав.

---

¹²⁹ URL: [//media.ls.urfu.ru/182/1063/2120/2072/671/](http://media.ls.urfu.ru/182/1063/2120/2072/671/) (дата обращения 30.12.2017).

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе коммуникации в Сети формируется собственная система принципов, норм и правил поведения, обеспечивающих регуляцию жизни в сетевом обществе и способствующих формированию образа жизни высокого качества, который можно рассматривать как оптимальный формат отношений, позволяющий каждому индивиду вступать в общение с другими людьми и самовыражаться удобным ему способом.

2.3. Образ жизни в виртуальном пространстве

Основными в аграрном обществе были природные ресурсы, для индустриального главный ресурс – это промышленные технологии, основной ресурс постиндустриального общества – это информация. Соответственно экономическая деятельность строится вокруг передачи и обработки информации. А основными средствами труда становятся информационно-коммуникационные технологии.

В процессе своего функционирования информационно-коммуникационные технологии создают новую форму социальной реальности – виртуальную реальность, существенно меняющую образ жизни людей. Создаваемая компьютеризированным образом виртуальная реальность дает возможность индивиду, не меняя географическое местоположение и не вступая в живой контакт, строить подобные реальным взаимодействия с другими людьми, испытывая при этом те же эмоции и с той же интенсивностью, что при взаимодействии в реальной жизни. Можно сказать, что виртуальная реальность формирует нового типа миры, новые символическую, ценностную и когнитивные среды, что оказывает непосредственное влияние на образ жизни человека в информационном обществе.

Цель параграфа: раскрыть содержание понятия «виртуальная реальность», рассмотреть природу виртуальной реальности, определить ее характерные черты и ее влияние на образ жизни человека.

В исследованиях виртуальной реальности можно различить два главных подхода к виртуальности: технологический, или техницистский, подход и социальный. С точки зрения первого подхода, виртуальность понимается как особый информационный код, задаваемый посредством программирования. При таком понимании виртуальная реальность трактуется как особая интерактивная среда, созданная с помощью компьютерных технологий, в которой пользователь

испытывает особый опыт, проживает специфическую жизнь, выступая и в роли зрителя, и в роли творца.¹³⁰

Глобальное виртуальное пространство формируется на основе функционирования глобальной сети Интернет в виде своего рода информационной проекции реального мира. Такое виртуальное пространство, носящее кибернетический (компьютерный) характер, зачастую определяется как киберпространство.¹³¹

С конструктивной точки зрения, виртуальное пространство, как и всякое пространство, предполагает наличие своей особой метрики, своей специфической протяженности. Главная его особенность состоит в том, что объективные пространственные расстояния, отделяющие в реальности его пользователей, не имеют никакого значения. Конструктивные особенности виртуального пространства Интернет можно исследовать различным образом. Но, как утверждает Ю.Ю. Перфильев, самым продуктивным является подход с применением методов географических исследований, который специалистами именуется методом кибергеографии или виртуальной географии¹³².

Существуют также два типа определения специфики расстояния в виртуальном пространстве. Первый тип за основу берет время соединения между двумя компьютерами. Второй – учитывает информационную связанность, то есть то обстоятельство, что все серверы объединены ссылками и гиперссылками в единую сеть Интернет. В этом случае расстояние измеряется числом переходов до определенного сайта. Следует отметить некоторую проблематичность второго подхода, ведь каждый информационный ресурс доступен через разные поисковые системы, каждая из которых дает свою величину «расстояния» между сайтами.¹³³

Виртуальное пространство актуализируется на основе деятельности его

---

¹³⁰ Гаврилов, А.А. Основные подходы к определению категории «виртуальная реальность» в современном философском дискурсе / А.А. Гаврилов // Молодой ученый. - 2012. - № 9 - С. 163.

¹³¹ Глик, Дж. Информация. История. Теория. Поток / Дж. Глик. - М.: Астрель: Corpus, 2013. - С. 87.

¹³² Перфильев, Ю.Ю. Кибергеография. / Ю.Ю. Перфильев. – М.: Энергия, 2003 - № 11 - С. 57 – 61.

¹³³ Перфильев, Ю.Ю. Кибергеография. С. 57 - 61.

субъектов. Субъекты виртуального пространства – это личности, которые осуществляют коммуникацию друг с другом и способны выполнять все предусмотренные, «заданные» в данном виртуальном пространстве действия.

Принято различать два вида субъектов виртуального пространства: естественные и искусственные. Естественные субъекты виртуального пространства – это субъекты физического мира, использующие компьютерные виртуальные технологии для погружения в виртуальное пространство и облакающиеся в компьютерное виртуальное тело для выполнения соответствующих задач. Важнейшим естественным субъектом виртуального пространства являются сетевые сообщества. Искусственные субъекты виртуального пространства – это субъекты, созданные разработчиками как составная часть киберпространства и действующие по законам этого киберпространства.

Виртуальное пространство не имеет территориальной или физической определенности. Ввиду отсутствия этих координат особое значение в виртуальном пространстве принимает время. Как считает С.С. Православский, реальны в виртуальном мире лишь коммуникации, и потому время в нем измеряется их интенсивностью¹³⁴.

Виртуальное пространство формирует виртуальную реальность. С технической точки зрения, термин «виртуальная реальность» обозначает особым образом организованную, компьютеризированную среду, дающую пользователю интерактивные стереоскопическое изображение и звук. Виртуализация в информационном мире, с одной стороны, - это внешний процесс, предполагающий преобразование образов на основе использования коммуникационных сетей, с другой стороны, - это внутренний процесс, поскольку только от индивида зависит извлечение из образа смыслового содержания. На основе этих процессов формируется виртуальная реальность, которая выступает как имитация реального мира, создаваемая компьютером и отчасти выбираемая

---

¹³⁴ Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – С. 116.

самим пользователем. Она принимается пользователем как область его практик и диктует пользователю соответствующие варианты поведения.

В процессе виртуализации также возникает чувственный мир, но он специфический, отличный от реального. Как отмечает М.Ю. Говорухина, «чувственный образ виртуальной реальности является образом образа. Продуцируемый реальным миром (естественный), чувственный образ не является подмененным, в то время как продуцируемый виртуальным миром (искусственный), чувственный образ есть не что иное, как симулякр, подмененный образ»¹³⁵.

Гносеологические основания виртуальной реальности исследовались в рамках постмодернистской философии. Так, термин «виртуальность» использовался постмодернистами для отражения многослойности мира, при которой каждый последующий уровень основан на предыдущем, но не связан с ним едиными принципами функционирования.

Для философии и литературы авторов-постмодернистов характерно искажение классического понимания реальности. Описание реальности перенасыщается образами, но сами по себе они отрываются от своей предметной сущности. Таким образом достигается так называемое «следовое восприятие».

Особое значение придается тексту. Текст у постмодернистов становится тканью для построения виртуальной реальности. Виртуальная реальность начинает представлять собой языковую среду. То есть виртуализация осуществляется посредством замещения предметных сущностей их смысловыми, словесными симуляциями. Текст утрачивает связь с объективной реальностью, начинает функционировать по собственным законам и принципам, становится самодостаточным явлением и предметом исследований.¹³⁶

Исследователи постмодернизма в качестве основы социальной реальности выделяют коммуникации, которые по сути являются языковыми конструкциями.

---

¹³⁵ URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/004097/govor.pdf> (дата обращения 26.12.2017).

¹³⁶ Лугинина, А.Г. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии (историко-философский аспект): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.03 / Лугинина Анна Григорьевна. – Краснодар, 2007. – С. 8.

Соответственно коммуникативные связи и формируют социальную структуру. То есть социальная реальность в постмодернизме видится как языковая конструкция, с содержательной точки зрения, наполненная симуляциями, стремящимися к реальному воплощению. Выделяют поверхностный и внутренний уровень реальности, где первый – это факты и явления, а второй - это структура, как «кристаллическая решетка», объединяющая и детерминирующая явления и события.

Постмодернистская концепция виртуализации общества находит свое выражение, например, в идеях Р. Барта, по мнению которого социальные взаимодействия - это непрерывный обмен, но не предметами, а культурными знаками.¹³⁷

При этом следует иметь в виду, что постмодернизм утверждает идею тотальной семиотизации бытия, а это предполагает ограничение человеческого существования текстовыми взаимодействиями. При этом сущностной характеристикой современной культуры постмодернистская философия считает симулятивность, а симуляцию представляет как пребывание и движение симулякров в общественном сознании. Таким образом, с позиции постмодернизма, формирование виртуальной реальности - это развитие и становление симулякров.

Классики постмодернистской философии – Ж. Батай, Ж. Делез, Ж-Ф. Литотар, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр приходят к выводу о власти симулякров над смыслами. «Мы вступили в эру симуляции, наступление которой знаменует полная взаимозаменяемость некогда противоречивых, диалектически противоположных терминов: красивого и уродливого в моде; правого и левого в политике; истинного и ложного в масс-медиа; полезного и бесполезного на уровне объектов; природы и культуры на любом смысловом уровне»¹³⁸, – писал Ж. Бодрийяр.

¹³⁷ Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Постмодерн в философии, науке, культуре. Хрестоматия. Пер. Штанько В.И., Цехмистро И.З., Сумятин В.Н. – Харьков, 2000. – С. 205.

¹³⁸ URL: https://monoskop.org/images/c/c0/Baudrillard_Live_Selected_Interviews_1993.pdf (дата обращения 21.12.2017).

Понятие «симулякр» становится основополагающим в постмодернистской философии. Однако в философском дискурсе оно присутствует со времен античности. В современную философию понятие «симулякр» было введено французскими философами-постмодернистами Жоржем Батаем и Пьером Клоссовски¹³⁹, впоследствии активно развивалось Ж. Дерридой, Ж. Делезом, Ф. Гваттари и получило каноническое значение и широкое распространение в научных и околонаучных текстах благодаря Жану Бодрийяру.

По Бодрийяру, симулякр – это образ, который полностью утратил связь с прообразом, являет собой самостоятельные смыслы и функционирует по своим законам, не связанным с реальными физическими явлениями, предшествующими его созданию.¹⁴⁰ В процессе социального взаимодействия симулякры проявляют себя как устойчивые образно-смысловые, понятийные и ценностные системы или модели, с помощью которых индивиды пытаются представить в своем сознании и соответствующим образом интерпретировать события, явления и процессы, встречающиеся в их жизни. Эти виртуализированные «конструкты» формируются под воздействием внешней по отношению к сознанию действительности и передаются через каналы культурной идентификации в масштабе социальных групп или общества в целом. Размышляя о социальном устройстве современного общества, Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают его «мультисерийный» характер, при котором состояния вещей и актуализируют события, и поглощаются ими.¹⁴¹

В виртуальном пространстве жизнедеятельность приобретает симулятивные свойства, а социальные практики основываются на симулякрах и электронных коммуникационных технологиях.

Соответственно жизненные практики и образ жизни в виртуальном пространстве осуществляются на основе симулякров и носят симулятивный характер, как эскапистские, так и активистские. Джарон Ланье определил

¹³⁹ Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая / Пер. Фокин С.Л. // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — Спб.: Мифрил, 1994. — С. 87.

¹⁴⁰ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр пер. О.А. Печенкина. — Тула, 2013. — С. 94.

¹⁴¹ Делез, Ж. Трактат о номадологии / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Новый круг. - 1992. - № 2. - С. 183 – 187.

виртуальную реальность как «дигитальную и интерактивную среду технологически продуцируемых симулякров всего того, что только может быть дано человеку в опыте сенсорного восприятия действительности»¹⁴². В данном определении называются такие основные характеристики виртуальной реальности, как опосредованность цифровыми технологиями, возможность интерактивного взаимодействия, по структуре и функциям аналогичного реальному миру. На основе этих характеристик в научный оборот было введено понятие «киберпространство». Киберпространство истолковывается как опосредованная техническими устройствами часть ноосферы, полностью сконструированная человеком при помощи симулякров. Взаимоотношение человека, виртуальной реальности и киберпространства кратко, но емко выражено в формуле Т.А. Кирика: «Виртуальная реальность начинается там, где в киберпространство входит человек»¹⁴³.

Правомерно утверждать, что создаваемая компьютеризированным образом виртуальная реальность, киберпространство, представляет собой новую форму бытия. Какова же его онтология? По этому вопросу в литературе существуют различные позиции. Так, А.Е. Войскунский сравнивает киберпространство с картой, паутиной, гипертекстом, сетью.¹⁴⁴ С точки зрения В.Л. Силаевой, виртуальная реальность - это реальность отличная, но не фантастическая, а столь же реальная.¹⁴⁵ По мнению И.А. Воронова, можно рассматривать виртуальную социализацию по аналогии с психической, учитывая, что пребывание в виртуальной реальности - это следствие взаимодействия человека и технической

---

¹⁴² Кузнецов, М.М. Виртуальная реальность: взгляд с точки зрения философа / М.М. Кузнецов // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. - М., 1997. - С. 86.

¹⁴³ URL:

http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4834/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BA-%D0%A2%D0%90_2007_%D0%9C%D0%93.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 15.12.2017).

¹⁴⁴ Войскунский, А.Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции / А.Е. Войскунский // 2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. - М.: Экопсицентр РОСС, 2000. - С. 251 - 253.

¹⁴⁵ Силаева, В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: дис. канд. филос. наук. 09.00.11. / Виктория Леонидовна Силаева - М.: МГТУ им. Баумана, 2004. - С. 19.

среды, киберпространства, а не психического отклонения.¹⁴⁶ В работах А.В. Бегинина акцентируется внимание на социальных проявлениях виртуальной реальности, виртуализация предстает как результат творческой силы социума.¹⁴⁷ В концепции Ж. Бодрийера виртуальная реальность описывается как недо-реальность, псевдо-реальность, поскольку составными единицами виртуальной реальности являются не обладающие транзитивностью симулякры, в результате чего из виртуальной коммуникации выхолащивается смысловая составляющая и на смену смысловому/символическому обмену приходит обмен симуляционным.¹⁴⁸ В связи с определением онтологического статуса виртуальной реальности встает проблема взаимодействия понятий «симуляция» и «виртуальная реальность». Высказывается мнение, что в современной культуре виртуальная реальность является следствием функционирования процессов симуляции и их наглядным воплощением. Отсюда делается вывод, что в жизнедеятельности человека виртуальная реальность не может стать для человека средой обитания и выступить полной альтернативой внешней реальности.

Подводя итог дискуссии об онтологическом статусе виртуальной реальности, мы соглашаемся с мнением А.Ф. Иванова о том, что виртуальное бытие включает в себя характеристики бытия разных видов. Так, объективно-идеальное бытие представлено в виртуальном аналогичном характером воздействия на органы чувств, а само по себе существование виртуальной реальности базируется на компьютерных, цифровых и логических законах.¹⁴⁹ С другой стороны, параметры виртуальной реальности подвластны воле субъекта, как и в случае субъективно-идеального бытия.

---

¹⁴⁶ Воронов, А.И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: автореф. дис. на соиск. степени канд. филос. наук: 09.00.08 / Воронов Андрей Игоревич. - СПб., 1999. – С. 19.

¹⁴⁷ Бегинин, А.В. Виртуализация как инновационный феномен трансформирующегося российского общества (теоретико-методологический подход): дис. на соиск. степени канд. соц. наук: 22.00.01 / Бегинин Алексей Викторович. - Саратов, 2006. – С. 16.

¹⁴⁸ Бодрийер, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийер. - М.: Добросвет, 2000. – С. 76.

¹⁴⁹ Иванов, А.Ф. Об онтологическом статусе виртуальной реальности. Виртуальное пространство культуры / А.Ф. Иванов // Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. - 2000. – С. 14.

На основе данного рассуждения А.Ф. Иванов делает вывод об отсутствии собственной уникальной сущности виртуальной реальности, не основанной на взаимодействии других форм бытия.¹⁵⁰ По нашему мнению, столь категоричный вывод об онтологическом статусе виртуальной реальности должен быть скорректирован, поскольку она первоначально выступает для субъекта как имитационная и вторичная, но постепенно для конкретных субъектов она может обретать статус единственной реальности.

Наряду с гносеологическим и онтологическим статусом виртуальной реальности в философской литературе также обсуждается проблема социального статуса виртуальной реальности. С одной стороны, виртуальная реальность создается и развивается в контексте реальных жизненных практик и производственных отношений. С другой, создаваемая в виртуальном пространстве информация начинает опосредовать внешний по отношению к ней реальный мир – создает новые смыслы, идеи, формирует новые принципы и цели взаимодействия в реальном мире. Ряд исследователей прибегает к понятию «инфосфера» для обозначения пространства, в котором существует виртуальная реальность. Так, например, по мнению М. Кастельса, культура сегодня – это «культура реальной виртуальности», в которой осуществляется переход от словесных форм к образным.¹⁵¹

Мнения исследователей о предпосылках возникновения виртуального образа жизни разнятся. Существует позиция, исходя из которой потребность в осуществлении жизненных практик в виртуальном мире иллюзорна. Но мы склоняемся к мнению, что выраженное стремление личности к виртуальному взаимодействию чаще всего вызвано одной из двух причин: во-первых, это стремление избегать давления внешних сил реального мира (сложности в отношениях с работодателем, коллективом, семьей); во-вторых, это стремление к достижениям, которые в реальном мире заблокированы для индивида внешними обстоятельствами (от физических ограничений до моральных, иерархических,

---

¹⁵⁰ Иванов, А.Ф. Об онтологическом статусе виртуальной реальности. Виртуальное пространство культуры. – С.14.

¹⁵¹ Castells, M. The power of identity. - P. 154.

этических принципов). По сути виртуальная реальность предстает как дополнительный уровень свободы, потребность в котором возникает по классической схеме: либо «свобода от», либо «свобода для».

Виртуальный образ жизни, с этих позиций, формируется как ответ на ситуацию отчуждения, как потребность в преодолении господствующих над человеком сил. Эта потребность при наличии определенных социально-экономических и политических условий не может быть удовлетворена реальным образом, путем материально-практического изменения мира. Выходом из создавшейся ситуации и является такой тип практически-духовной деятельности, который был направлен на продуцирование социальных идеальных форм, создающих возможность регуляции и саморегуляции общественной жизни.¹⁵² Возникая и функционируя как способ удовлетворения исторически определенной потребности, виртуальный образ жизни представляет собой одно из проявлений человеческой активности, занимающее свое место в общественно-исторической деятельности людей. С этих позиций виртуальный образ жизни может быть рассмотрен как объективно-обусловленная отчужденными общественными отношениями система деятельности, порождающая социальные идеальные формы превращенного типа. Виртуальное освоение мира является преобразованием мира в сознании, которое осуществляется конкретно-исторической общностью людей, находящихся в условиях отчуждения и испытывающих потребность в реальной преобразовательной деятельности, но не имеющих для этого необходимых условий и средств. Не способная найти своего удовлетворительного решения потребность в преодолении господствующих над человеком сил и порождает специфическую виртуальную деятельность. Создается особый мир идеальных – превращенных – форм, населенный различного рода фантомными существами, симулякрами. Но именно с помощью такого виртуального мира, не могущего изменить мир, реальный человеческий субъект современного общества и рассчитывает удовлетворить свои потребности.

---

¹⁵² Романова, Е.В. Образ жизни в виртуальной реальности / Е.В. Романова // Право и практика. Рубрика Философия / Социальная философия. - № 3. – М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». - 2017. – С. 149.

Надо отметить, что сознание субъекта виртуализации есть результат особого типа идеально-преобразовательной деятельности, которая осуществляется в условиях отчуждения. Отчужденные социальные отношения как раз и являются тем объективным содержанием, которое в сознании субъекта виртуализации получает превратную форму сфантазированных существ, свойств, связей и отношений.

По нашему мнению, в современном мире, когда значительную роль в жизнедеятельности людей играют информационно-коммуникативные технологии и развивается культура Постмодерна, значимой формой проявления отчуждения является стратегия виртуального эскапизма. Виртуальный эскапизм можно квалифицировать как бегство от реальности в искусственно сконструированные виртуальные миры. К виртуальному эскапизму можно отнести следующие жизненные практики: игровой эскапизм, который представляет собой уход от реальности в пространство видеоигр; кинематографический эскапизм, основанный на увлечении многообразными продуктами киноиндустрии; эскапизм виртуального общения, на основе которого совершается уход от реальности через сетевые технологии; эскапизм через серфинг в Интернете, проявляющийся в бесцельном, хаотичном передвижении по виртуальному пространству в поисках развлекательного контента.

Для лучшего понимания виртуального эскапизма можно воспользоваться основными принципами теории социального конструктивизма с учетом тех модификаций, которые привнесла в эту теорию постмодернистская философия. Как известно, теория социального конструктивизма была разработана Питером Бергером и Томасом Лукманом в 60-х годах XX века, однако в конце XX - начале XXI вв. произошли коренные трансформации как на уровне общества, так и в повседневной жизни индивида, и связаны они, в первую очередь, с внедрением во все сферы жизни информационно-коммуникативных технологий. В современном мире эти технологии становятся отдельной формой реальности, включая в себя основные сферы жизни общества: экономическую, политическую, социальную и духовную. С одной стороны, сферы общественной жизни превращаются в части

«дополненной» реальности, то есть существуют при непосредственном взаимодействии реального и виртуального. С другой стороны, современные в виртуальных сообществах, межличностные отношения возникают в виртуальном пространстве, однако являются идентичными реальным, то есть люди общаются, влюбляются, дружат, оказывают поддержку друг другу так же, как и в пространстве повседневной реальности. Таким образом, формируется новая реальность, в которой индивиды получают свои собственные роли и статусы, которые определяют место человека в виртуальном пространстве. На основе информационно-коммуникативных практик возникает новая форма повседневной действительности – виртуальная. Виртуальная реальность предстает как интерактивная среда, созданная с помощью компьютера, которая имеет графические, акустические и другие свойства. Пользователь может созерцать или изменять ее. Иными словами, виртуальная реальность - это создаваемая компьютером имитация окружения, на которую пользователь может влиять в заданных программой границах. Таким образом, можно констатировать, что в процессе виртуализации происходит удвоение реальности и замена реального мира виртуальным.

На основании этого виртуальный мир следует рассматривать как разновидность духовного отчуждения, извращенное, фантастическое отражение действительности. С гносеологической точки зрения, это означает, что результаты отражения мира в сознании субъекта виртуализации — виртуальные образы — носят ложный, неадекватный характер.¹⁵³

Однако такие понятия, как «ложность», «адекватность», не объясняют специфики отражения действительности субъектом виртуализации. Виртуальные образы – это не просто результаты неадекватного отражения действительности человеком, а разновидность социальной иллюзии. Для виртуальных иллюзий, как и других разновидностей социальных иллюзий, характерен особый способ освоения действительности, который принято называть ценностным, духовно-

---

¹⁵³ Романова, Е.В. Образ жизни в виртуальной реальности. – С. 149.

практическим.¹⁵⁴

Социальные иллюзии – это превратная форма отражения человеком своего места в системе общественных отношений, способ самоориентации субъекта по отношению к социальным ценностям. Одной из важных характеристик виртуальной реальности как результата иллюзорного отражения действительности является субъективность, которая выражается в перенесении свойств отражающего субъекта (его целей, стремлений, потребностей и так далее) на объект. Основной акцент при таком способе отражения делается на желаемых возможностях. Отсюда следует, что основное содержание виртуальных образов формируется на основе проецирования на мир индивидами своего мироощущения. В случае виртуального отражения происходит удвоение мира: продукт отражения замещает собой отражаемый объект и функционирует в социальном взаимодействии как самостоятельная реальность. Происходит «превращение» субъективно-психологических желаний и фантазий в объективный мир персонифицированных духовных сущностей. В сознании субъекта виртуализации образы сознания сливаются с действительностью, принимаются за действительность. В результате в виртуальном пространстве индивид не сознает, что события, происходящие в созданном им виртуальном мире, всего лишь функция его собственной деятельности, а потому сам становится функцией, дополнением и приложением процессов и явлений своего сознания.

Как отмечает А.А. Радугин, виртуальные образы – это в значительной степени продукты фантазии. Материал, составляющий элементы виртуального образа, взят из чувственного опыта, но соединен неадекватно структурам и свойствам вещей и явлений, от которых он получен, ничего сверхъестественного в таком преобразовании нет. Оно происходит в соответствии с законами деятельности воображения с помощью ряда механизмов или приемов — акцентирования, гиперболизации, типизации, реконструкции, уподобления. Эти приемы создают возможность для образования представлений о таких свойствах,

---

¹⁵⁴ Романова, Е.В. Образ жизни в виртуальной реальности. – С. 150.

связях, превращениях, ситуациях, которых нет и не может быть в объективной действительности.¹⁵⁵

Деятельность воображения, создающая возможность превратного отражения реального мира, осуществляется на уровне представлений. Однако наибольшие возможности такого рода процессов возникают при переходе человека к абстрактно-понятийному мышлению. Гносеологическая основа функционирования иллюзорного воображения заключается в абстрагирующей деятельности сознания, точнее, в открываемой им возможности отделения субъективных образов от действительности. Мышление располагает субъекта к свободному оперированию чувственными образами и к созданию на этой основе многочисленных фантастических ситуаций. Но особенность деятельности воображения в иллюзорном сознании следует искать не в самом механизме воображения как психического процесса осознания действительности (этот механизм одинаков как для адекватных, так и для иллюзорных форм сознания), а в субъектно-объектных отношениях, в специфике социальных характеристик специфического взаимоотношения человека с окружающим миром.

Воображение всегда функционирует в общественном сознании в конкретно-исторических формах в соответствии с уровнем развития общественной практики и характера общественных отношений. В тех условиях, когда созданный человеком мир вещей обретает самостоятельность, перестает быть объектом целенаправленного контролируемого воздействия, а напротив - становится господствующим над людьми, создаются объективные предпосылки для неадекватного, иллюзорного отражения действительности. Невозможность практического овладения миром возмещается работой воображения, фантазии.

В условиях отчуждения отбор и синтез чувственно-наглядного материала в процессе деятельности воображения происходит под воздействием сил, господствующих над людьми в их повседневной жизни. Эти силы вызывают в массах устойчивые отрицательные эмоции (страх, подавленность), которые

---

¹⁵⁵ Радугин, А.А. Проблема поиска личностных смыслов в современном обществе / А.А. Радугин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Вып.: 3 – Воронеж. - 2014. – С. 126.

деформируют творческую силу воображения, обуславливают отрыв фантазии от действительности. Под влиянием таких эмоций происходит смешение объективного и субъективного, предмета образа и образа предмета, перенос субъективных моментов, возникающих в процессе воображения, на сам объект. Фантастические образы, полагаемые как реальность, в свою очередь вызывают определенные эмоциональные состояния, которые ограничивают возможности творческого воображения.

Особенности идеального преобразования действительности в значительной степени зависят от установок субъекта. Субъекту виртуализации присущ элемент авторитаризма. Деятельность воображения детерминируется установкой на некритическое восприятие и переработку информации, тормозятся критическая и оценочная роли логического мышления. Деформация творческой природы воображения интенсифицируется под влиянием сетевого общения.

Итак, анализ социальной природы виртуальной реальности позволяет нам сделать второй важный вывод об образе жизни в виртуальном пространстве, а именно: образ жизни в виртуальном пространстве носит иллюзорный характер. Но как к этому относиться? В научной литературе господствует негативная оценка социальной роли иллюзий. Наиболее часто социальные иллюзии отождествляют с заблуждениями, мифами, утопиями.

Нам, однако, представляется, что такая оценка иллюзий в целом и социальных иллюзий в частности является односторонней. Надо заметить, что социальные иллюзии – это облегчающий самообман, дающий фантомное отражение объективной действительности, но обеспечивающий реальное удовлетворение насущных потребностей человека. Мы согласны с мнением Л.В. Шукшиной, утверждающей, что социальные иллюзии представляют для человека экзистенциальную ценность.¹⁵⁶

Иллюзии – это внутренний ресурс человека. Социальные иллюзии можно квалифицировать как попытку придать целостность жизни в условиях фрагментарности виртуального пространства. Они способствуют концентрации

---

¹⁵⁶ Романова, Е.В. Образ жизни в виртуальной реальности. – С. 150.

энергии и адаптации личности во фрустрирующих условиях. Но этот позитивный эффект иллюзий имеет место только в том случае, если не теряется связь с реальностью и ее адекватное восприятие.¹⁵⁷

Социальные иллюзии находят свое выражение в особой концентрации энергии для реализации достижения цели и выживания. Осуществляя экзистенциальные потребности в любви, творчестве, счастье, социальные иллюзии дают возможность человеку противостоять отчуждению и формируют особые состояния души и духа человека, способного адаптироваться к негативным ситуациям и изменять их. Таким образом, социальные иллюзии – необходимый и позитивный момент в социальном процессе, направленном на поддержание жизни.

В литературе также обсуждается проблема трансформаций внутреннего мира личности в условиях информационного, компьютеризированного общества. По мнению Н.В. Ситкевич, особенности взаимодействия в коммуникативно-технологической среде информационного общества оказывают влияние на человека как субъекта деятельности и общения. Информационно-коммуникативные технологии опосредуют деятельность, а пребывание в киберпространстве опосредует внутренний мир человека. Виртуальная реальность продуцирует новые ценности, которые интериоризируются пользователем, что приводит к изменениям мировоззренческой и духовно-нравственной позиции индивида.¹⁵⁸ Характеризуя коммуникативные взаимодействия в киберпространстве, можно отметить, что информационно-коммуникативные технологии создают не только безлюдное производства, но и «безлюдное» общение, когда собеседника вполне заменяют различные гаджеты.

---

¹⁵⁷ Шукшина, Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. доктора филос. наук: 09.00.11 / Шукшина Людмила Викторовна. - Саранск, 2010. - С. 18.

¹⁵⁸ Ситкевич, Н.В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информационного общества (этико-философский анализ): автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.05 / Ситкевич Наталья Вячеславовна. – Тула, 2011. – С.15.

Выводы к главе 2

Базовым основанием образа жизни человека и социальных групп является уклад жизни общества. Уклад означает обустройство, установившийся порядок организации явлений и процессов. Уклад жизни общества определяется его культурой. В качестве важных показателей уклада жизни выступают: господствующая ценностно-смысловая система, характер технологий производства, социальных и экономических отношений, политической системы, ведущих идеологий.

Основные элементы уклада жизни во взаимосвязи друг с другом образуют устойчивую структуру, которая нормирует, стереотипизирует спонтанные проявления жизненных практик индивидов и социальных групп. Формирование образа жизни индивида происходит посредством осуществления им своей жизнедеятельности в рамках определенного уклада и вследствие интериоризации им соответствующих ценностей, поведенческих паттернов, норм этики и морали, культурных кодов, семиотических систем, стереотипов.

Уклад жизни общества различен в различных типах общества. Механизм перехода от одного типа общества к другому в теории технологических укладов раскрывается на основе концепции социальной трансформации. В социогуманитарной науке господствует мнение, что материальные основания играют доминирующую роль в укладе жизни общества. Однако в трактовке этих оснований в социогуманитарной науке существуют различные позиции. Так, в формационной методологии К. Маркса решающая роль в общественной жизни, включая и такую ее значимую структуру, как уклад жизни, отдается способу производства материальных благ.

В современном обществознании широкое распространение получила предложенная американским социологом Д. Беллом классификация общества по уровню и характеру технологий. Д. Белл выделяет три типа общества:

доиндустриальные (аграрные), индустриальные и постиндустриальные. В каждом типе общества складывается своеобразный уклад общественной жизни. При этом переход от одной стадии развития общества к другой в этой модели происходит именно вследствие изменения уровня технологий, что, в свою очередь, ведет к изменению способа производства, господствующей формы собственности, социальных институтов, культуры, образа жизни, социальной структуры, ценностей и целей общества.

Настоящий момент общественного развития можно охарактеризовать как этап перехода от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. Основным ресурсом в информационном обществе становится информация. Основными технологиями – коммуникационные технологии. В этом контексте «информация» трактуется не только как «знание», но и как «сообщение», message. Современные коммуникационные технологии зачастую строятся по сетевому принципу. Жизнедеятельность в системе сетевого обмена информацией, сообщениями приводит к формированию так называемого сетевого общества.

Получившие невиданное развитие цифровые технологии превращают современное общество в глобальную сеть, в которой коренным образом изменяется система социальных взаимодействий, образ жизни личностей и социальных групп. Сетевая форма организации – совокупность взаимосвязанных ячеек, гибкая и динамичная, без вертикальной иерархической структуры, с простыми механизмами включения новых звеньев. В социальной сетевой структуре ячейки или звенья – это субъекты информационного обмена.

Для уяснения специфики понятия «сетевое общество» необходимо обозначить его разницу с понятием «информационное общество». Последнее предполагает в основном учет технологической и ресурсной платформ социальной жизнедеятельности. Понятие «сетевое общество» шире и включает в себя еще и культурные, политические и экономические аспекты социального устройства. Сетевое общество формируется на основе коммуникативного взаимодействия сетевых сообществ. Сетевое сообщество в информационном

обществе обретает качество субъектности. Для того, чтобы занять свою ячейку в сетевом обществе, субъект должен распознать, интериоризировать протокол взаимодействия и стать генератором сообщений, соответствующих этому протоколу. Сетевые сообщества, действуя в виртуальном пространстве как сетевые субъекты, вносят изменения в политическую, экономическую и социальную сферы объективной реальности

В сетевом обществе как специфической форме социальности формируется определенный образ жизни. Основанием этого образа жизни выступает уклад информационного общества. На основе этого уклада формируется ряд важных особенностей сетевого образа жизни. Снижается роль иерархических вертикальных связей и структур в пользу горизонтальных. Таким образом, в сети становится доступной коммуникация между субъектами, непосредственное пересечение которых ранее было невозможным. Социальные коммуникации все чаще осуществляются в сети Интернет, становясь при этом легкодоступными и высокоскоростными, что резко повышает их допустимый объем и интенсивность.

Информационно-коммуникативные технологии создают большие возможности для развития различных аспектов образа жизни в сетевом обществе, однако они порождают и ряд проблем, требующих своего решения.

Обсуждение такого рода проблем порождает проекты, цель которых – минимизировать деформации образа жизни в сетевом обществе, дополнив юридическое регулирование моральным.

Функционируя в сетевом обществе, информационно-коммуникативные технологии создают новую форму социальности – виртуальное пространство. Виртуальное пространство актуализируется на основе специфической деятельности его субъектов – виртуализации. В процессе виртуализации происходит замена реального мира идеальными конструктами. Так формируется виртуальная реальность.

Виртуальная реальность в своей основе – это иллюзорная реальность. Давая оценку социальным виртуальным иллюзиям, мы полагаем, что это своего рода защитный механизм, который, с одной стороны, является самообманом, как и

большинство защитных механизмов психики, с другой – средством психологической защиты, помогающим индивиду адаптироваться и получить ощущения комфорта в фрустрирующих обстоятельствах реального мира. Таким образом, социальные иллюзии в жизни человека выполняют компенсаторную функцию.

Заключение

Настоящая работа посвящена решению актуальной научной проблемы: осуществить социально-философскую экспликацию образа жизни как социального феномена и в этом контексте проанализировать формы организации жизненных практик в информационном обществе.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить ряд исследовательских задач. Прежде всего, было необходимо осуществить теоретико-методологическую экспликацию образа жизни как социального феномена и обосновать социально-философский статус категории «образ жизни». С этой целью был проведен анализ концепта «образ жизни» и рассмотрено детерминирующее влияние на образ жизни разноуровневых сред. Было показано, что на формирование определенного образа жизни оказывает влияние множество сред, каждая из которых имеет разноуровневый характер. Каждая среда формирует определенные аспекты образа жизни человека и общества: ценности, нормы, традиции, поведенческие конструкты, семиотические системы, стереотипы, культурные коды.

Было установлено, что образ жизни есть специфичное проявление сложноорганизованной, многоуровневой (биосоциальной, социокультурной и духовно-нравственной) природы человека, отраженное в его взаимодействиях и взаимоотношениях с окружающим природным, социальным и культурным миром. Методологическая экспликация образа жизни позволила нам сделать вывод, что «образ жизни» – это социально-философская категория, которая позволяет через целостную систему антропологических характеристик и социальных практик исследовать человека как субъекта деятельности и коммуникативного взаимодействия.

Нами был предложен авторский конструкт образа жизни как инструмент анализа, нацеленный на выявление содержания и практик образа жизни в различных аспектах и способный обрисовать векторы последующего анализа.

В своем дальнейшем анализе мы исходили из представления, что образ жизни людей детерминирован некоторыми всеобщими, универсальными антропологическими характеристиками. Это предположение обусловило необходимость изучения антропологических аспектов образа жизни.

В ходе исследования мы опирались на сформулированный представителями философской антропологии принцип антропологизма, базирующийся на признании значительной роли в жизнедеятельности людей телесных, организмических, инстинктивных факторов.

В ходе анализа были раскрыты антропологические основания образа жизни, реализующиеся через иерархическую систему социальных сред и принимающие в них специфические социальные формы: пол принимает форму гендера и образует гендерную среду. Возрастные этапы жизни человека на социальном уровне образуют поколенческие среды и так далее.

Было также установлено, что антропологические детерминанты образа жизни определяющую роль играют на уровне индивидов. На уровне личности в образе жизни определяющую роль играют социокультурные детерминанты. В связи с этим встала задача исследовать социокультурные детерминанты и связанные с ними основные стратегии и тактики образа жизни личности.

В ходе исследования были рассмотрены основные стратегии образа жизни современного человека - пассивная и активная, каждая из которых имеет свои специфические тактики. Среди тактик пассивной стратегии была выделена консервативная тактика, ее основная ценностная ориентация – сохранение статус кво. Активные стратегии связаны с выбором тактик, нацеленных на развитие и самоутверждение личности, реализация чего происходит за счет расширения личностных границ. Одним из наиболее важных инструментов расширения границ личности является формирование в ее психике особых образований – субличностей. Субличность – это внутриличностная структура, включающая

определенный набор характеристик, поведенческих паттернов, схем восприятия и взаимодействия, которые актуализируются при попадании личности в определенную ролевую позицию.

Стратегия образа жизни через самоутверждение личности осуществляется в разнообразных жизненных практиках, характерных для определенных социокультурных ситуаций.

Для нашего исследования особый интерес представляет социально активная стратегия самоутверждения в современном российском обществе. Отечественное развитие в постсоветский период происходит в условиях смены политической, экономической и социокультурной парадигм, что неизбежно оказывает существенное влияние на трансформацию образа жизни. Так, широкое распространение получил образ жизни, ориентированный на достижение успеха, который понимается как обладание атрибутами материального достатка. Таким образом, представление об успешности переходит из сферы деятельности в сферу потребления.

Иной принцип построения образа жизни основывается на стратегии эскапизма. Целью такой стратегии становится достижение гармонии с самим собой, с Природой. Человек стремится к самосовершенствованию и самодостаточности в соматической, психической и духовной жизни. В этом случае социальные связи и статусные атрибуты личность обесценивает.

Наиболее значимой продуктивной чертой стратегии эскапизма является то, что в этой стратегии эффективно задействованы воображение, фантазия и творчество, на основе которых в сознании эскаписта создается новый мир и формируется, в какой-то мере, новое сознание. Важно отметить, что эскапистский образ жизни не предполагает полного ухода от реальности, для этого существуют иные практики в рамках религиозных и иных культов. Можно выделить «мягкие» и «жесткие» формы проявления эскапизма. «Мягкая» форма предполагает любую деятельность, связанную с отходом от предписанной статусно-ролевой позиции. Тогда как «жесткая» форма предполагает существенную трансформацию собственной психики, включая бегство от своего собственного Я. Так, в

частности, в виртуальном эскапизме часто происходит отождествление собственного Я с виртуальным персонажем или созданной в социальных сетях другой личностью. В результате утрачивается самоидентичность личности, она воспринимает реальность и интерпретирует смыслы не с точки зрения собственного опыта, но с точки зрения «опыта» виртуального персонажа. На данном этапе исследования можно предложить следующее определение эскапизма. Эскапизм - это специфическая ценностная установка и базирующаяся на ней стратегия образа жизни, в которой личность, решая свои проблемы, дистанцируется от наличной социальной реальности и реализует те или иные жизненные практики в мире сознания. Это может быть духовный мир, где личность проводит практики самосовершенствования, или воображаемый виртуальный мир, мир иллюзий и фантазий.

Антропологические, психофизиологические факторы, социальный контекст играют решающую роль в формировании образа жизни. Однако детерминация образа жизни со стороны этих факторов имеет свою специфику в различных типах общества.

Рамки диссертационного исследования не позволяют рассматривать проявление образа жизни во всех типах общества. В настоящей работе мы поставили перед собой задачу исследовать детерминацию образа жизни в современном, информационном обществе. При этом мы исходили из представления, что основанием образа жизни в различных типах обществ является уклад жизни. Уклад означает обустройство, установившийся порядок организации явлений и процессов. Уклад жизни общества определяется его культурой. Материальные основания культуры играют доминирующую роль в укладе жизни общества. Ведущую роль в материальных основаниях культуры играет технологический уклад.

Таким образом, в качестве важных показателей уклада жизни выступают: господствующая ценностно-смысловая система, характер технологий производства, социальных и экономических отношений, политической системы, ведущих идеологий. Основные элементы уклада жизни во взаимосвязи друг с

другом образуют устойчивую структуру, которая канализирует спонтанные проявления жизненных практик индивидов и социальных групп. Оказываясь под воздействием этой структуры, индивид интериоризирует социальные ценности, культурные коды, поведенческие паттерны, моральные и этические нормы, стереотипы, семиотические системы.

Уклад жизни общества различен в различных типах общества. Механизм перехода от одного типа общества к другому в теории технологических укладов раскрывается на основе концепции социальной трансформации. Настоящий этап развития общества принято считать этапом перехода от индустриального к постиндустриальному информационному обществу. В информационном обществе технологическим основанием уклада общественной жизни являются не индустриальные, а информационные и телекоммуникационные технологии.

Основным ресурсом информационного общества является информация, соответственно, основная деятельность – это производство интеллектуальных объектов виртуальной природы, облаченных в цифровую форму. Такого рода деятельность опосредуется компьютерными технологиями, которые в свою очередь опосредуют и внутренний мир человека, его восприятие и осознание действительности.

Информационно-коммуникационные технологии оказывают влияние на психологические и социальные особенности личности и общества в целом, вызывают существенные изменения в когнитивной, эмоциональной и мотивационной сферах.

Уклад информационного общества базируется на информации. Понятие «информация» имеет смысл не только как «знание», но и как «сообщение», message. На основе сообщений формируется система коммуникаций. Функционирование системы коммуникаций в современном обществе происходит на основе высоких технологий. В ряду такого рода высоких технологий выделяются сетевые технологии, на основе которых формируется сетевое общество.

Важно соотнести понятия «сетевое общество» и «информационное общество». Концепция «сетевое общество» предполагает учет особенностей

взаимодействия и в культурной, и в политической, и в экономической сферах. Сетевое общество формируется на основе коммуникативного взаимодействия сетевых сообществ. Сетевые сообщества, действуя в виртуальном пространстве как сетевые субъекты, вносят изменения в политическую, экономическую и социальную сферы объективной реальности. Тогда как понятие «информационное общество» учитывает в первую очередь технологическую сторону социальной действительности.

В ходе исследования было установлено, что современное общество, широко использующее цифровые технологии, превращается в глобальную сеть, в которой коренным образом изменяется система социальных взаимодействий, образ жизни личностей и социальных групп.

Сетевая форма организации – это совокупность взаимосвязанных ячеек, гибкая и динамичная, без вертикальной иерархической структуры, с простыми механизмами включения новых звеньев. В социальной сетевой структуре ячейки или звенья – это субъекты информационного обмена. Чтобы быть включенным в сетевое взаимодействие, субъект должен распознать и интериоризировать протокол взаимодействия сетевого сообщества.

В сетевом обществе как специфической форме социальности формируется определенный образ жизни. Основанием этого образа жизни выступает уклад информационного общества. Сетевой образ жизни предполагает ряд особенностей. Во-первых, это децентрализация и отказ от вертикальных иерархических структур в построении схемы взаимодействия. Таким образом, обеспечивается горизонтальная доступность самых закрытых ранее организаций и персон. Во-вторых, использование цифровых технологий и Интернет революционно повышает скорость и интенсивность обмена информацией и ее доступность для широких масс.

Возможности, которые открываются с появлением сетевых коммуникативных технологий, предполагают не только позитивные перспективы, но и социальные опасности. В попытках исключить или минимизировать возможный ущерб для общества представители современной киберсферы

выдвигают специфическую систему принципов, норм и правил поведения, которые регулируют жизнь в сетевом обществе и способствуют формированию образа жизни высокого качества.

Функционируя в сетевом обществе, информационно-коммуникационные технологии создают новую форму социальности – виртуальное пространство. В ходе исследования было показано, что виртуальное пространство актуализируется на основе специфической деятельности его субъектов – виртуализации. В процессе виртуализации происходит замена реального мира идеальными конструктами. Таким образом, в виртуальном пространстве формируется виртуальная реальность. Виртуальная реальность – это имитационная по своему происхождению реальность, создаваемая на основе компьютерных технологий и отчасти выбираемая самим пользователем.

В виртуальном пространстве рождаются и функционируют социальные иллюзии. Виртуальная реальность – это, по существу, иллюзорная реальность. Социальные иллюзии формируются в процессе виртуализации и симуляции. Соответственно и образ жизни в виртуальном пространстве по сути является симулятивным и иллюзорным. Однако мы не склонны придавать социальным иллюзиям негативные смыслы. По нашему мнению, иллюзии имеют существенное субъективное и экзистенциальное значение в жизни индивида. Благодаря им личность получает возможность реализовать фрустрированные потребности безопасным и комфортным способом для себя и окружения, что снижает внутриличностную и социальную напряженность. По существу, социальные иллюзии действуют как защитные механизмы психики.

На основании проведенного исследования мы пришли к выводу, что образ жизни с содержательной стороны – это система непрерывно повторяющихся жизненных практик, осуществляющихся в контексте антропологических, биографических, социокультурных и технико-социальных сред.

С психологической точки зрения, образ жизни выполняет функцию психофизиологической и социокультурной «скрепы» жизнедеятельности личности, обеспечивая целостность концепции личности, образа Я. Если под

влиянием различных психофизиологических и социокультурных обстоятельств личность вынуждена сменить образ жизни, наступает кризис личности, личность теряет свою точку опоры в жизни. Жизненная практика показывает, что в этих обстоятельствах возможен даже суицид. Образ жизни представляет собой проекцию технологических, антропологических, социальных, культурных, этических, национальных, политических и идеологических факторов, детерминирующих жизненный путь человека. Таким образом, он, с одной стороны, регулирует и предопределяет судьбу человека, с другой - провоцирует определенное развитие обстоятельств, в которых значительное количество событий происходит как бы автоматически.

Потеря привычного образа жизни означает прекращение действия прежних детерминант и обретение личностью психологической свободы. Но бремя свободы для многих людей оказывается непосильной ношей, и если им не удастся выстроить новый эффективный образ жизни, «встать на новые рельсы», то это может привести к психофизиологической или социальной деградации и маргинализации личности. Жизненная практика показывает, что для личности, в чрезвычайных обстоятельствах, в целях обретения стабильности, важно сохранять, насколько это возможно, прежний образ жизни.

В своем диссертационном исследовании мы ограничились решением принципиальных вопросов, поставив двоякую задачу: рассмотреть образ жизни как социальное явление и проанализировать особенности его формирования на основе уклада жизни информационного общества. Однако проблематика образа жизни отнюдь не исчерпывается поставленными и решаемыми в настоящей диссертационной работе вопросами. Возможно и необходимо дальнейшее проведение исследований образа жизни, которые, по нашему мнению, целесообразно вести по следующим ключевым направлениям:

1. Развитие современного общества происходит в условиях глобализации. Глобализация, прежде всего, связана с интернационализацией всей общественной жизни на Земле, результатом чего становится объединение человечества в единую систему общественно-исторической, предметно-практической деятельности, в

единую систему связей и отношений. В процессе глобализации происходит все возрастающая унификация социокультурной жизни стран и регионов земного шара. Так, по нашему мнению, происходит формирование нового типа образа жизни – «мирового или глобалистского», изучение стратегий которого нам представляется перспективным и актуальным.

2. Глобализация, как известно, несет угрозу национальной идентичности. В связи с этим было бы интересно и полезно исследовать проблему национального образа жизни.

3. Современное общество переживает бурный процесс трансформации социальной структуры. В ходе этого процесса формируются новые социальные группы со своим специфическим образом жизни. По нашему мнению, было бы целесообразно провести специальные исследования образа жизни таких новообразованных социальных групп.

Список использованной литературы

1. Абеляр, П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином [Электронный ресурс] / П. Абеляр. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/zapadnoe_bogoslovie/dialog/ (дата обращения 23.10.2017).
2. Аристотель. О душе [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <https://litlife.club/br/?b=159356&p=1> (дата обращения 13.11.2017).
3. Ассаджиоли, Р. Психосинтез [Электронный ресурс] / Р. Ассаджиоли. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=91001> (дата обращения 14.11.2017).
4. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Постмодерн в философии, науке, культуре. Хрестоматия. Пер. Штанько В.И., Цехмистро И.З., Сумятин В.Н. – Харьков, 2000. – С. 203 - 207.
5. Бегинин, А.В. Виртуализация как инновационный феномен трансформирующегося российского общества (теоретико-методологический подход): дис. на соискание уч. степени канд. соц. наук: 22.00.01 / Бегинин Алексей Викторович. - Саратов, 2006. – 203 с.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. — М.: Academia, 2004. – 788 с.
7. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 303 с.
8. Блаженный Аврелий Августин. О Граде Божьем [Электронный ресурс] / Аврелий Августин Блаженный. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/1 (дата обращения 20.12.2017).
9. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М, 2000. – 258 с.

10. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. - М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
11. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр пер. О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
12. Боэций, Аниций Манлий Торкварт Северин. Утешение философией [Электронный ресурс] / Аниций Манлий Торкварт Северин Боэций. – Режим доступа: <http://www.ancientrome.ru/antlitrb/boethius/index.htm> (дата обращения 28.11.2017).
13. Бутенко, И.А. Социальное познание и мир повседневности: горизонты и тупики феноменологической социологии / И.А. Бутенко. – М.: «Наука», 1987. – 141 с.
14. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер пер. с нем. сост., общ. ред. и послесловие. Ю.Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
15. Войскунский, А.Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции / А.Е. Войскунский // 2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. - М.: Экопсицентр РОСС, 2000. - С. 251 - 253.
16. Воронов, А.И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.08 / Воронов Андрей Игоревич. - СПб., 1999. – 22 с.
17. Гаврилов, А.А. Основные подходы к определению категории «виртуальная реальность» в современном философском дискурсе / А.А. Гаврилов // Молодой ученый. — 2012. — № 9 — С. 162 - 166.
18. Гегель, Г.Ф.В. Феноменология духа / Г.Ф.В. Гегель // Собр. соч. Т.4. М.: Академический проект – 2008. - 767 с.
19. Глик, Дж. Информация. История. Теория. Поток / Дж. Глик. - М.: Астрель: Corpus, 2013. - 576 с.
20. Говорухина, М.Ю. Виртуализация современного мира: раздвоение реальности [Электронный ресурс] / М.Ю. Говорухина. - 2004. – Режим доступа: <http://www.ict.edu.ru/ft/004097/govor.pdf> (дата обращения 26.12.2017).
21. Гуриева, Л.К. Концепция технологических укладов. [Электронный

ресурс] / Л.К. Гуриева, 2004. – Режим доступа: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/779e63082286adbbc325672f003bdcf2/88e58149614c800fc325703000360bb3> (дата обращения 07.11.2017).

22. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Электронный ресурс] / Э. Гуссерль. - 2006. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/379444-edmund-gusserl-kartezianskiie-razmyshleniya.html#book> (дата обращения 15.10.2017).

23. Делез, Ж. Трактат о номадологии / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Новый круг. - 1992. - № 2. - С. 183 - 187.

24. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы [Электронный ресурс] / Ж. Деррида, Ю. Хабермас // Отечественные записки. – 2003. - № 6. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_23.html (дата обращения 01.10.2017).

25. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Книга IX [Электронный ресурс] / Диоген Лаэртский. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/diogen_laetsky/10 (дата обращения 02.12.2017).

26. Жаров, С.Н. Жизненный мир как исток всех теоретически возможных миров (трансценденция непредметного бытия в структуре научного мышления) / С.Н. Жаров под ред. Е.А. Мамчур // Теоретическая виртуалистика. Новые проблемы, подходы и решения. – М.: «Наука», 2008. – 316 с.

27. Иванов, А.Ф. Об онтологическом статусе виртуальной реальности. Виртуальное пространство культуры / А.Ф. Иванов // Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. - 2000. – С.14 - 16.

28. Каблов, С.М. Шестой технологический уклад [Электронный ресурс] / С.М. Каблов // Наука и жизнь. – 2010. - № 4. - Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения 22.12.2017).

29. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Антропология с прагматической точки зрения. Полное собрание сочинений в 6т. – М., 1966. - Т.6. – 743 с.

30. Кант, И. Критика чистого разума [Электронный ресурс] / И. Кант. – 1964. - Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000497/> (дата обращения 07.11.2017).

31. Кастельс, М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.

32. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс, под ред. В.Л. Иноземцева // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Антология. - 1999. - С. 470 - 505.

33. Кирик, Т.А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы [Электронный ресурс] / Т.А. Кирик. 2007. – Режим доступа: http://dspace.kgsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4834/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BA-%D0%A2%D0%90_2007_%D0%9C%D0%93.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 15.12.2017).

34. Климова, В.В. Технологические уклады - материальная основа экономического развития общества / В.В. Климова // Вестник СамГУПС. - 2010. - № 2(20). - С. 30 - 32.

35. Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски пер. Фокин С.Л. // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. – С. 79 - 91.

36. Козлова, Н.Н. Советские люди. Сцены из истории / Н.Н. Козлова. - М.: Издательство «Европа», 2005. - 544 с.

37. Колин, К.К. Человек в информационном обществе [Электронный ресурс] / К.К. Колин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/chelovek-v-informatsionnom-obschestve> (дата обращения 08.12.2017).

38. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. Сборник научных трудов / Н.Д. Кондратьев, Ю.В. Яковец, Л.И. Абалкин. — М: Экономика, 2002. – 768 с.

39. Кузнецов, М.М. Виртуальная реальность: взгляд с точки зрения философа / М.М. Кузнецов // Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы. - М., 1997. – С. 86-99.

40. Липсиц, В.И. Промышленная политика России: принципы формирования и механизмы реализации / В.И. Липсиц, А.А. Нецадин // Общество и экономика. – 1997. – № 5. – С. 66 – 125.

41. Литинская, Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. на соискание уч. степени док. филос. наук: 09.00.01 / Литинская Джинна Григорьевна. – М., 2010. - 24 с.

42. Лугинина, А.Г. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии (историко-философский аспект): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.03 / Лугинина Анна Григорьевна. – Краснодар, 2007. – 23 с.

43. Львов, Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 1986. - № 5. - С. 798 - 801.

44. Майнен, К. Виртуальная этика / К. Майнен пер. Д.А. Майорова // Библиотеки за рубежом: Сборник. – М.: Рудо-мино, 1998. – С. 205 – 208.

45. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человек / М. Маклюэн пер. с англ. В. Николаева. — М.: Жуковский: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 2003. — 464 с.

46. Маркс, К. Капитал. Т.1 / К. Маркс. — М.: «Издательство АСТ», 2001. — 565 с.

47. Маркс, К. Экономико-философские рукописи. Соч. Т. 42 [Электронный ресурс] / К. Маркс, 1844. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (дата обращения 01.12.2017).

48. Маслоу, А. Теория человеческой мотивации. Мотивация и личность / А. Маслоу. - СПб.: Евразия., 2002. – С.77-105.

49. Мелюхин, И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – М.: МГУ, 1999. – 208 с.

50. Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление [Электронный ресурс] / А.В. Назарчук // Вопросы философии № 7, 2008. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/w/WWW.html> (дата обращения 18.11.2017).

51. Независимая газета [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ng.ru/99-12-15/5_intemet.html (дата обращения 17.12.2017).

52. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. - М.: Издательство «Ермак», 2003. – 380 с.

53. Никитин, Е.П. Феномен человеческого самоутверждения / Е.П. Никитин, Н.К. Харламенкова. - СПб., 2000. - 218 с.

54. Ницше, Ф. Рождение трагедии или Эллинство и пессимизм. Сочинения в 2 т. / Ф. Ницше пер. Г. Рачинский. – М.: «Мысль», 1990 – Т. 1. – 831 с.

55. Ницше, Ф. Собрание сочинений в 2-х томах / Ф. Ницше. – М.: «Мысль», 1996. – Т. 2. – 829 с.

56. Орлова, Э.А. Образ жизни как культурно-антропологическая категория. Курс лекций [Электронный ресурс] / Э.А. Орлова – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/antropology/orlova/obraz.htm> (дата обращения 25.11.2017).

57. Перевозчикова, Л.С. Аксиологические основания гуманистической парадигмы в культуре информационного общества: дис. на соискание уч. степени доктора филос. наук: 09.00.13. / Перевозчикова Лариса Сергеевна. – Тула, 2008. - 395 с.

58. Перевозчикова, Л.С. Конструктивное самоутверждение личности как философская проблема [Электронный ресурс] / Л.С. Перевозчикова // Сибирский педагогический журнал. – Новосибирск, 2007. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivnoe-samoutverzhdenie-lichnosti-kak-filosofskaya-problema> (дата обращения 24.10.2017).

59. Перевозчикова, Л.С. Концептуализация образа жизни в социогуманитарном дискурсе. [Электронный ресурс] / Л.С. Перевозчикова, Е.В. Романова // Вестник Воронежского Государственного Университета. – Воронеж,

2017. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29112133> (дата обращения 30.10.2017).

60. Перфильев, Ю.Ю. Кибергеография. / Ю.Ю. Перфильев. – М.: Энергия, 2003 - № 11 - С. 57 - 61.

61. Платон. Диалоги [Электронный ресурс] / Платон. – Режим доступа: <http://cathedra.icc.dgu.ru/Content/files/Факультет%20психологии%20и%20философии/Кафедра%20философии%20и%20социологии/Платон%20-%20Диалоги.pdf> (дата обращения 22.10.2017).

62. Плеснер, Г. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию / Г. Плеснер пер. А.Ф. Филиппов // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 96 – 151.

63. Поршнева, Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнева. – СПб.: Алетейа, 2007. – 720 с.

64. Православский, С.С. Принцип социальности и его трансформация в информационном обществе: дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.11 / Православский Стефан Сергеевич. - Воронеж, 2015. – 187 с.

65. Радугин, А.А. Основные характеристики эпохи постмодерна. [Электронный ресурс] / А.А. Радугин, Е.М. Гурина. // Омский научный вестник. – Омск, 2014. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnyye-harakteristiki-epochi-postmoderna> (дата обращения 19.12.2017).

66. Радугин, А.А. Проблема поиска личностных смыслов в современном обществе / А.А. Радугин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Вып.: 3 – Воронеж. - 2014. – С. 123 - 130.

67. Радугин, А.А. Ценность «его»: опыт поиска духовно-нравственных оснований жизни / А.А. Радугин // Вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып.1(3) – Воронеж – 2014. - С.72 - 79.

68. Романова, Е.В. Образ жизни в виртуальной реальности / Е.В. Романова // Право и практика. Рубрика Философия / Социальная философия. - № 3. – М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». -

2017. – С. 147 – 151.

69. Рыбаков, Н.С. Трансформация социального / Н.С. Рыбаков // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы международной научно-практической конференции, науч. ред. А.Б. Лебедев. – Казань: Казанский ун-т. - 2011. – С. 524 - 525.

70. Савельев, С.В. Возникновение мозга человека. / С.В. Савельев. — М.: ВЕДИ, 2010. – 324 с.

71. Сартр, Ж.-П. За закрытыми дверями. Пьесы. / Ж.-П. Сартр. – М.: Аст. Фолио, 1999 – 556 с.

72. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. - 398 с.

73. Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер., послесловие и примечания С.А. Ошерова. - Кемеровское книжное из-во, 1986. - 464 с.

74. Силаева, В.Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества: дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.11. / Виктория Леонидовна Силаева - М.: МГТУ им. Баумана, 2004. - 115 с.

75. Ситкевич, Н.В. Особенности трансформации нравственных ценностей в условиях информационного общества (этико-философский анализ): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.05 / Ситкевич Наталья Вячеславовна. – Тула, 2011. – 23 с.

76. Скворцов, А.А. Этика Интернета [Электронный ресурс] / А.А. Скворцов. – Режим доступа: [//media.ls.urfu.ru/182/1063/2120/2072/671/](http://media.ls.urfu.ru/182/1063/2120/2072/671/) (дата обращения 30.12.2017).

77. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. - М.: АСТ, 2001. – 336 с.

78. Сухович, Е.В. Символ, симулякр и виртуальная реальность как категории философии культуры: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филос. наук: 09.00.13. / Сухович Елена Владимировна. - Волгоград, 2013. – 22 с.

79. Сытник, А.А. Современные подходы к определению технологических укладов / А.А. Сытник // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. Вып.: 3(37). — Саратов. - 2011. — С. 41 – 43.

80. Тапскотт, Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Д. Тапскотт пер. с англ. Дубинского И. Под ред. Писарева. С. - М.: Релф бук, 1999. – 403 с.

81. Тоффлер, Э. Третья волна [Электронный ресурс] / Э. Тоффлер. – 2004. – Режим доступа: http://www.umk.virmk.ru/study/VMK/LITERA/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения 11.11.2017).

82. Труфанова, Е.О. Единство и множественность Я / Е.О. Труфанова. - М.: Канон +, 2010. – 256 с.

83. Труфанова, Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий [Электронный ресурс] / Е.О. Труфанова // Философия и культура. - № 3. – 2012. – Режим доступа: http://nbpublish.com/view_post_225.html (дата обращения 21.10.2017).

84. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: В 2 т. / Л. Фейербах. – М., 1955. – Т. 1. - 676 с.

85. Феруччи, П. Кем мы можем быть [Электронный ресурс] / П. Феруччи. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/psyntez/psy02/txt04.htm> (дата обращения 27.12.2017).

86. Федоров, И.А. О субкультуре молодежного «перфекционного эскапизма» / И.А. Федоров, М.М. Поздняков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - № 7 (135). - 2014. - №7. - С. 25 - 29.

87. Фихте, И.Г. Сочинения в 2-х томах / И.Г. Фихте. — СПб.: Мифрил, 1993. — 1485 с.

88. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 2012. – 366 с.

89. Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. - М.: «Наука», 1991. – 456 с.

90. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.

91. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер пер. с нем. В.В. Бибихина. - Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.

92. Химия эмоций и чувств [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://realfaq.ru/discussion/13918/himiya-emociy-i-chuvstv> (дата обращения 10.10.2017).

93. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление, Т.2. Пер. с нем. / А. Шопенгауэр. – Минск: ООО «Попурри», 1999. - 832 с.

94. Шукшина, Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филос. наук: 09.00.11 / Шукшина Людмила Викторовна. - Саранск, 2010. - 39 с.

95. Шумпетер, Й. Капитализм, Социализм и Демократия / Й. Шумпетер пер. с англ. предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. — М.: Экономика, 1995. — 540 с.

96. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира / А. Шютц. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. - 332 с.

97. Эпикур. Письма к Менокею [Электронный ресурс] / Эпикур. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1358238790> (дата обращения 27.10.2017).

98. ЮНЕСКО. Документы и публикации. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/ulis/ru/> (дата обращения 21.11.2017).

99. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2004. – 439 с.

100. Якутина, О.И. Социальные практики успеха: Дискурс повседневности и социально-философское понятие: дис. на соискание уч. степени доктора филос. наук: 09.00.11. / Якутина Ольга Ивановна. - Ростов–на–Д, 2011 – 383 с.

101. Ялом, И. Шопенгауэр как лекарство [Электронный ресурс] / И.Д. Ялом. – Режим доступа: <http://klex.ru/7g3> (дата обращения 18.12.2017).

102. Barnes, J. Class and Committees in a Norwegian Island Parish / J. Barnes // Human Relations. - 1954. - № 7 - pp. 39 - 58.

103. Baudrillard live. Selected Interviews [Электронный ресурс] – 1993. - Режим доступа:

https://monoskop.org/images/c/c0/Baudrillard_Live_Selected_Interviews_1993.pdf
(дата обращения 21.12.2017).

104. Benson, A.C. *Escape, and Other Essays* / A.C. Benson. N.-Y., 1915. – 302 p.

105. Berger, P.L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality* / P.L. Berger, T. Luckmann. – Penguin Books, 1966. – 247 p.

106. Castells, M. *Materials for an exploratory theory of network society* / M. Castells // *The British Journal of Sociology*. – 2000. - N 51. – pp. 5 – 24.

107. Castells, M. *The power of identity* / M. Castells. - Oxford, 1997. – 461 p.

108. Castells, M. *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I.* / M. Castells. - Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. – 556 p.

109. *Computer ethics and professional responsibility* / edited by Terrell Ward Vynum and Simon Rogerson. Malden, MA, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bolizm.iher.su/> (дата обращения 13.12.2017).

110. Evans, A. *This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World* / A. Evans. L.: Fusion Press UK, 2001. – 274 p.

111. Gehlen, A. *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik* / A. Gehlen. Bonn, 1970. – 192 p.

112. Heilman, R.B. *Escape and Escapism Varieties of Literary Experience* / R.B. Heilman // *The Sewanee Review*. - Vol. 83. № 3 - 1975. - pp. 439-458.

113. Hollander P. *The Survival of the Adversary Culture: Social Criticism and Political Escapism in American Society* / P. Hollander. New Brunswick, 1991. – 256 p.

114. Masuda, Y. *The Information Society as Post-Industrial Society* / Y. Masuda. - Washington, dc.: World Future Society, 1981. – 178 p.

115. Merriam-Webster: *Dictionary and Thesaurus* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/escapism> (дата обращения 29.11.2017).

116. Poster, M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context* / M. Poster. - Cambridge: Polity Press, 1990. – 188 p.

117. Schutz, A. Collected Papers. Vol. 1 / A. Schutz. - Martinus Nijhoff, The Hague, 1962. – 361 p.

118. Touraine, A. The post-industrial society: Tomorrow's social history, class, conflict and culture in the programmed society / A. Touraine. - New York: Random House, 1971. – 244 p.

119. Tuan, Yi-Fu. Escapism / Yi-Fu Tuan. Baltimore and London, 1998. - 245 p.

120. Van, Dijk. The Network Society / Jan Van Dijk. – London, 2011 – 301 p.